

Асения Каретникова

СТРАСТЬ
В НАСЛЕДСТВО

Ксения Каретникова

Страсть в наследство

<https://litres.ru/74462884>

Аннотация

Роман несколько лет бредит девушкой, которую никто никогда не видел. Он зовет ее Даной, пишет ее портреты, называет девушку своей судьбой, избранницей... женой. Руслан старается не разрушать иллюзий младшего брата, считая их последствием наследственного заболевания Романа. Но однажды Руслан находит девушку, потерявшую память. И она как две капли воды похожа на ту, которой бредит брат... Им суждено было встретиться. Им суждено пожить вместе под одной крышей...

Чтобы разгадать тайны прошлого...

Вас ждет: - повествование от двух лиц - внутреннее противостояние героев - загадочное прошлое

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	67
Глава 10	75
Глава 11	83
Глава 12	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Пролог

П

Мужчина провел рукой по голове, зачесывая назад густые седые волосы. Но непослушные пряди лезли в глаза. Мешали видеть. А потом больно цеплялись за массивный жёлтый камень печатки на мизинце при повторном движении рукой... Нервы. Мужчина всегда так делал, когда нервничал. И все-

гда волосы цеплялись за кольцо.

- Сколько она уже в наказании? - спросил он.

Голос мужчины дрогнул на последнем слове вопроса, и гулкое эхо повторило это несколько раз. Прозвучало злое, мужчине и так было не по себе... Но он поднял глаза и ещё раз посмотрел на девушку, застывшую в статичной позе. Белое платье плавно развеивается. Но здесь нет ветра...

На секунду мужчине показалось - девушка неживая. Ненастоящая. Скульптура. Само совершенство: ладная фигура с тонкой талией и плавными изгибами, темные струящиеся локоны, аристократически бледная кожа, голубые, ближе к синему - глаза. Теплые, как море? Или холодные, как лёд? Широко распахнутые. В них грусть, тоска и боль... Такая чужая и такая знакомая... Мужчина смотрел и не верил своим глазам...

Она! Вот, не касаясь ногами земли, застыла в воздухе. Парит... На правой ноге окова на тонкой цепи, кажется, лишь она и удерживает девушку от полета...

Она! Как будто сошла с тех проклятых картин... Они преследуют его всю жизнь. И ему казалось - ненавидит. Вот за все. За всех.

- Век, - неожиданно ответил скрипучий голос из ниоткуда. Мужчина дернулся, огляделся - ответившего поблизости не было. Но голос звучал совсем рядом, так близко... Вокруг темно. Лишь тело, парящее над мужчиной, словно освеща-

ется изнутри. Сияет, манит, зовёт...

- А сколько ей осталось?

- Столько же, - вновь ответил тот же голос. Шепеляво и громко.

А мужчина вновь уставился на девушку, мысленно считая.

Двести лет... Вот это наказание! Заслужила ли она это? За то, что сделала?

Груз вины опустился мужчине на плечи. Так давил, терзал. Хотя он понимал и знал - не он виноват. Но алая жидкость, которая сейчас так быстро бежит в его венах, имеет память. Наследственную. И она помнит... Столько лет прошло... Столько несчастных судеб... Столько страданий, тоски...

Столько лет...

И ещё должно пройти столько же?

Слегка неуверенно седовласый шагнул к девушке, протянул руку, словно хотел прикоснуться. Нет, не достать. Да и не должен он к ней прикасаться, не имеет права. Поздно. Для него.

- Я хочу выкупить ее наказание, - как можно уверенней сказал мужчина. Опять посмотрел на девушку, в ее лицо и... Ее веки дрогнули в этот момент! Да! Он готов был поклясться!

- Цену вы знаете, - с нотками усмешки раздался ответ.

Мужчина кивнул, потому что и вправду знал, его предупредили.

Он набрал в лёгкие побольше воздуха. А потом медленно выдохнул. Он уже решился. За тем и пришел. Сперва сомневался, но увидел девушку, и все сомнения растаяли в жгучих потоках его крови.

Он сделал шаг назад. Сердце сжалось от тоскливой боли. От понимания: не увидит он, что и как будет... Но эта жертва необходима.

- Я на все согласен. Мне все равно осталось недолго, - прошептал мужчина и обречённо добавил: - А ему она нужна...

Глава 1

Глава

Всё-таки это очень странно - ничего о себе не помнить.
Вообще ничего.

Кто ты, как тебя зовут... У человека должно быть имя. И фамилия. И даже отчество - имя отца, которое ты носишь всю свою жизнь. Я не знаю ни одного, ни другого, ни третьего.

Не знаю, кто мои родители. Друзья, приятели... враги...

Где я родилась, выросла, жила... Чем занималась.

Училась. Работала. И было ли это?

Нет воспоминаний. Ничего. Пустота и темнота. Ни лиц, ни образов, ни очертаний...

Жить и не знать своего прошлого - страшно. Может, я сделала кому-то что-то плохое? И так сработало подсознание, спасая и защищая?

Но особенно страшно становится, когда ты начинаешь думать, пытаешься вспомнить. И не можешь! Причем я знаю названия тех или иных вещей, понимаю значение слов, определений, явлений. Знаю, как называются предметы.

Но откуда я это знаю - не помню.

Из-за этого ощущаю себя бездушным запрограммированным роботом, созданным кем-то... Но ведь для чего-то?

Хотя иногда, вспышками, вспоминается что-то. Из-за запахов, слов, жестов и движений людей в памяти проскальзывают мгновения... Но так быстро, что я не успеваю понять и полностью вспомнить этот момент. Да и эти воспоминания, скорее, эмоциональные. Я просто чувствую: страх, злость, радость, счастье. И все так перемешано. Запутано.

Одно скажу точно: я не только разговариваю на русском - я ещё на нем думаю. Значит, мои корни здесь, как сказала Раиса Ивановна.

Но я могу быть и украинкой, и белоруской. Да и в России очень много национальностей. А сама страна огромная... И отсюда появляются другие вопросы: откуда я, из каких именно мест, жила я в городе, в деревне, в квартире, в доме?

Ответов нет.

Врачи удивлялись. Потому что не могли понять причины моей диссоциативной амнезии - такой диагноз мне поставили. У меня ни травм, ни сопутствующих заболеваний. Кажется, они мне даже не верили. Столько процедур и тестов со мной провели. Даже гипноз пробовали. Но он на меня не

действует. Редкий я случай.

Я слышала шушуканья медсестер: барышня - то есть я - скорее всего, притворяется, сбежала от кого-то, прячется. Когда меня нашли, на правой щиколотке был синяк - якобы меня удерживал кто-то насильно и я жертва... Но нет! Я точно не жертва! Не помню, но ощущаю.

С первого же дня меня беспокоил вопрос - есть ли у меня дети? Но после визита к гинекологу выяснилось - нет. И приблизительный биологический возраст мне поставили 25 лет. Здоровье, кстати, у меня отменное. Гинеколог даже пошутил - зачать, выносить и родить могу хоть в космосе...

А ещё очень странно, что меня не ищут. Две недели в больнице, чуть больше месяца я тут... Ну не может быть такого, чтобы не искали. У меня же есть прошлое? Кем я была в нем? Была ли кому-то нужной? Необходимой? И если да, то где этот человек? Кто этот человек? Или люди?

Любила ли я? Почему-то при этом слове сердце тоскливо сжимается... Предали? Обманули?

Бросили? Если да, то почему? За что?

За что мне это? Почему это случилось со мной?

- О чем задумалась? - голос Раисы Ивановны возвращает меня из навязчивого мира мучающих меня вопросов. И я смотрю в улыбающееся, даже какое-то лукавое лицо человека, что сидит напротив. Сидит ровно, с прямой осанкой. Глаза ее блестят, румянец на щеках. Я присматриваюсь вни-

мательней и впервые задумываюсь: сколько ей лет? Шестьдесят? Да, не меньше. Однако женщина она ухоженная, статная, всё ещё красивая. Как всегда накрашена, даже губы, стойкой коралловой помадой. На руках свежий аккуратный маникюр, с лаком цвета в тон губам.

Она поправляет седую завитую прядь, пряча ее за ухо. А я замечаю, как за плечом Раисы Ивановны, на фоне колючего забора, плавно колышется цветущая ветка.. На ней - белые крупные цветения с розовыми крапинками. По форме цветы напоминают свечи... Это каштан. Но почему-то поздно зацвёл, обычно в мае.

Вот откуда я это знаю?

- Твой ход, милая, - с легкой усмешкой говорит Раиса Ивановна, кивая на стол.

И я перевожу взгляд вниз, на шахматную доску. Белые клеточки, черные, фигуры... Сознательно мы играем сегодня в шахматы в первый раз. Но я знаю, что видела шахматы раньше... Играла? Умею?

Тут же что-то маячит в глубинах разума, переключается, заставляя вспоминать... Дебют, рокировка, гамбит, гарде... Ладейник. Да! Ладьей и пойду, потому что так правильно...

И я делаю ход. На автомате. Раз, два...

- Шах и мат, - произношу я.

Раиса Ивановна смахивает рукой с доски своего черного короля, но не с досадой, и заявляет:

- Значит, и в шахматы ты играть умеешь, - женщина огля-

дывается, щурится, присматривается к выходу из корпуса. А потом достает из кармана пёстрого халата пачку тонких сигарет и коробок спичек. Прикуривает с таким наслаждением. С ним же выдыхает первую порцию дыма.

- Вы поддались специально, - заявляю я.

- Конечно, хотела проверить, умеешь ли ты играть, знаешь ли правильные ходы... - фыркает она. - Шашки, домино, всевозможные карточные игры... Мы столько уже всего попробовали. И во все ты умеешь.

И это правда, за последнюю неделю, что мы с ней начали общаться, во что мы только не играли. Даже в лото. Оно, кстати, меньше всего мне нравится.

- О, может, нарды ещё попробуем? - предлагает Раиса Ивановна.

- Зачем? - улыбаюсь я.

- Ну, во-первых, вдруг тебе это поможет что-то вспомнить? - отвечает она и опять оглядывается. - А во-вторых, так не скучно хоть. А то мне здесь не с кем играть... Психи кругом.

Не могу не согласиться, психи действительно здесь кругом. И, не считая персонала, Раиса Ивановна, пожалуй, единственный из, скажем так, здешних постояльцев, с кем можно нормально общаться. Она точно не псих. Тогда почему же она здесь? Тоже жертва обстоятельств, как и я? Я никак не решаюсь ее об этом спросить, да и Раиса Ивановна с неохотой говорит о себе, о личном...

- Аня! - вдруг слышим мы крик со стороны главного корпуса. Одновременно поворачиваемся.

С крыльца спешно спускается медсестра Катя и быстро идёт к нам. Раиса Ивановна без стеснения чертыхается, бросает наполовину выкуренную сигарету на землю и наступает на нее ногой.

- Аня, - на выдохе повторяет медсестра, подойдя к нам. Аней здесь зовут меня, должно же быть у человека имя. Хотя я точно знаю - я не Аня. Не мое это имя.

- Что-то случилось? - с надеждой спрашиваю я.

- Там к тебе с телевидения приехали.

- Ко мне? - удивляюсь я.

- Да, хотят снять про тебя сюжет. Может, найдешь на-
конец.

Я продолжаю удивляться, смотрю на довольное лицо Раисы Ивановны.

- Ваша работа? - спрашиваю я у нее.

- А чья же ещё? - фыркает она. - Эти не стали бы. Им все равно на нас. Ироды...

- Раиса Ивановна, - качает головой Катя и принюхивается.
- Опять курили?

- Пыталась получить от жизни удовольствие, - отвечает она недовольно и складывает руки на пышной груди.

- Так это вредно.

- В моем возрасте все вредно, милая. Даже свежий воздух.

Катя опять качает головой, а потом обращается ко мне:

- Чего сидишь? Иди! Пока Семеныч не вернулся и не свернул вашу затею.

Семеныч - главврач этой психлечебницы. Хотя он сам считает, что это не так, это -санаторий. Ага, с колючим забором и решетками на окнах. Это наш корпус для стабильных и в большей части для платных пациентов, нам даже разрешено свободно перемещаться по периметру, гулять в саду. А вот в том корпусе, что стоит чуть дальше, прячась за ветками молодых сосен, точно держат тех, кто психически не стабилен. Иногда по ночам оттуда доносятся крики. И в них только боли. Столько страхов и страданий. Мои по сравнению с ними - ничто.

Я поднимаюсь с места и делаю неуверенный шаг к нашему корпусу. Смотрю на пожилую женщину, так же прямо оставшуюся сидеть за столом.

- Давай-давай, - подбадривает меня Раиса Ивановна. - Я уверена, так тебя быстрее найдут. Просто иногда люди не знают, что нужно искать...

Глава 2

Глава

Руслан

- Всем спасибо! Все свободны! - произношу я, встаю из-за стола и резко направляюсь к выходу.

Мне не терпится скорее покинуть зал заседания.

Ненавижу все эти совещания. До зубного скрежета. До нервного тика. А особенно ненавижу собрания акционеров, на котором - да на каждом - Иван Евграфович не упускает возможности с иронией подметить, что я ещё "зелен" - рано мне, видите ли, сидеть в кресле директора, на которое он метит сам... Советы даёт постоянно. Намекает, что он справится лучше, предлагает передать ему право на наши с братом акции. Вот ещё! Это наш семейный бизнес, и если бы не дефолт девяностых, хрена с два бизнес стал акционерным.

Вынужденное решение отца, которое спасло семейное дело. На простые совещания дядя Ваня - как просит сам Иван Евграфович себя называть - не приходит. Но требует отчетов. Я бы давно послал его на все буквы алфавита, но он акционер с большим пакетом акций. И я не имею права отказать. Вот и сейчас тороплюсь отправить ему по почте отчет. И дело не в том, что я просто хочу отстреляться. Пожаловаться хочу. На протезированного дядей Ваней нового поставщика, из-за которого, собственно, и состоялось внеплановое совещание. И мы приняли решение разорвать контракт, причем получится это сделать без выплат неустойки... Лазейки в договорах найти можно всегда, главное - знать, где искать.

По пути к кабинету меня пытаются несколько раз тормознуть всевозможные начальники отделов. Но я отмахиваюсь, отвечая, что нет времени, решайте сами, а если не можете - оформляйте все в письменном виде. Чашка кофе - вот что мне сейчас надо. Остальное подождёт.

В приемную одновременно со мной заходит Елена Александровна. Некогда она была секретаршей отца, теперь - моя. Все усмеваются, что она досталась мне по наследству. Лет ей уже шестьдесят, давно пора на пенсию. Но у меня трепетное отношение к этой женщине, помню её, ещё когда был пацаном. Да и с работой она справляется, даже все современные технологии освоила. Видел я тут ее страницу в Инстаграмме. А какой кофе она варит! Никто не сравнится.

- Доброе утро, Руслан Алексеевич, - с улыбкой здоровается она, на ходу стягивая с тонкой шеи полупрозрачный шарфик и пристраивая черный пакет на свой стол. - Кофе с корицей?

- Доброе, да, жажду вашего фирменного кофе, - улыбаюсь я в ответ и толкаю дверь своего кабинета.

Здесь темно. Жалюзи опущены. Медленно подхожу к окну и вскоре впускаю яркий солнечный свет в просторное помещение.

Сажусь в кресло, включаю компьютер. Когда он загружается, открываю документ и быстро печатаю отчёт Евграфовичу, во всех красках расписывая нюансы и возникшие проблемы. Пусть знает, кого советовать.

А может он специально его подсунул, этого поставщика? Чтобы потом обвинить меня в оплошности и некомпетентности как руководителя?

А что, твою мать, может. Но и я уже кое-чему научился.

Найти новых поставщиков не проблема. Две страницы формата А4 желающих. Но теперь пусть их сначала проверит мой человек. Надежный. Это я тоже указываю в отчёте.

Стук в дверь. Я громко отвечаю:

- Войдите! - и тут же в кабинете появляется Елена Александровна. С подносом в руках. На нем призывно дымится чашка с кофе. И волшебный запах заполняет пространство. Но не только кофейный и коричный, ещё и сдобный.

- Я вам тут ещё круассан принесла. Сама пекла, - женщина

широко улыбается, ставит поднос на стол передо мной. Елена Александровна часто меня балует своей выпечкой. Вкусной, домашней.

- Спасибо, - киваю я.

Она опять улыбается и покидает кабинет. А я, отправив документ по почте, приступаю к завтраку.

Как только я делаю последний глоток кофе, слышу сигнал телефона. Достаяю его из кармана. Звонит Ромка, и я сразу снимаю трубку.

Но вместо приветствия слышу вопрос:

- Ты ее нашел?

- Кого?

- Дану.

Я закатываю глаза и начинаю злиться... У меня появляется желание запустить телефон в стену! Дана, Дана, Дана... Сколько можно?

- А она разве потерялась?

- Я же тебе говорил... Ее надо найти. Ей сейчас плохо, одиноко...

- Рома! - не сдерживаясь, рявкую я, но во время беру себя в руки. Раз. Два. Три. Четыре. Пять... Десять. Не стоит срываться на брата. Последствия могут быть ужасные.

Я набираю в лёгкие побольше воздуха и уже спокойно спрашиваю:

- Где ее искать прикажешь?

- Там, где цветут каштаны, - отвечает брат.

Твою ж!

- А подробнее?

- Это все, что я знаю, - с грустью отвечает брат и кладет трубку. Сжимаю телефон в руке, замахиваюсь. Но, за секунду передумав, резким движением смахиваю чашку со стола. Она звонко падает на пол и разбивается. В кабинет тут же влетает Елена Александровна. Смотрит внимательно сначала на меня, потом - на разбитую чашку. После чего молча собирает осколки и уходит.

А я откидываюсь на спинку стула. Зря психанул. Это уже не первая чашка. И не только чашка. И не только на работе. Домработница Нина уже несколько сервизов сменила...

И все из-за этой Даны, чей образ преследует не только брата, но уже и меня... Но фишка в том, что никакой Даны в природе не существует. Она - плод воображения моего брата. Причем такой, сука, навязчивый, продуманный. Сначала она была знакомой Романа, потом тайной возлюбленной. Затем она вроде как ответила брату взаимностью и даже стала его женой... И рассказывает об этом Ромка так реалистично!

Он болен - этим я себя успокаиваю. Болен с рождения, и эта болезнь спровоцировала стрессы, депрессии. Вследствие чего, скорее всего, и появилась Дана. Отец быстро смирился с этим. Велел и мне. Так что пусть Рома и дальше живёт в своем иллюзорном мире. Там ему хорошо, спокойно... Было, во всяком случае. Пока он с чего-то не решил, что вымышленную Дану надо начать искать. Собственно, первое заяв-

ление об этом и стало причиной моего, а потом и Ромкиного срыва.

Надо искать! Там, где, сука, цветут каштаны!

Рывком встаю с кресла, подхожу к стеллажу и открываю потайную дверцу. На небольшой скрытой полке стоит коньяк и две рюмки. Всегда держу это на всякий случай.

Наливаю коньяк в рюмку. Принимаюсь. Один его запах слегка успокаивает. А пара глотков - тем более. Сажусь, но не в кресло, а на небольшой диван. И при моем приземлении неожиданно включается плазма.

- Девушка ничего о себе не помнит... - слышу я и невольно смотрю на экран, висящий на стене напротив.

Твою ж... Мать! Не может быть!

Меня глючит? Нет! Коньяк хоть и выпит, но совсем немного... Да и подобных галлюцинаций у меня никогда не было... Не заразился же я от брата за столько лет.

Я трясую головой, а потом резко встаю и подхожу ближе к плазме. Глазам верю с трудом, но...

- Если вы узнали эту девушку, свяжитесь с нами по телефону, указанному ниже, - сообщает голос за кадром и замолкает. На экране женское лицо крупным планом и не менее крупные цифры городского телефона. Но я не успеваю его запомнить, взгляд не отпускает девушку, так и вожу глазами по ее лицу...

Это она, черт ее дери! Она. Узнаю ее из тысячи. Глаза, улыбку... Ромка писал ее разной. В эмоциональном плане.

Чаще с грустной улыбкой. Вот как раз с такой, с какой она смотрит сейчас с экрана...

А за ней, да что за фигия, цветущая ветка каштана!?

Да быть такого не может!

Что происходит?

Сюжет резко заканчивается.

Выключаю плазму, нажав на кнопку сбоку экрана. Выпиваю еще коньяка и в полушоковом состоянии возвращаюсь к столу, плюхаюсь в кресло.

Мысли скачут. Хаотично. Дико. А рука, держащая на весу рюмку, начинает дрожать. Допиваю коньяк, ставлю пустую емкость на стол, рядом с мобильником. Смотрю на аппарат. И через секунду, найдя номер в записной книжке, прислоняю телефон к уху.

- Здравствуй, Саша, - здороваюсь я с тем самым надёжным человеком и без прелюдий перехожу к главному: - Сейчас по телевизору показывали сюжет про девушку, потерявшую память. Мне надо, чтобы ты узнал о ней все, что сможешь...

Глава 3

Глава

После визита телевизионщиков прошла неделя. Сюжет про меня показали на следующий день. Но толку от него оказалось мало.

Приходило трое людей.

Первой была женщина, потерявшая пять лет назад дочь. Она показывала фото, действительно, сходство есть. Но... Девушка старше меня. На шее у нее родимое пятно, у меня - нет. Женщина так смотрела на меня, руки тряслись, в глазах слезы. Рассказывала про своего ребенка, а ведь мы все остаёмся детьми в глазах родителей, с такой нежностью и болью... Все не хотела уходить и никак не соглашалась поверить, что я - это не она.

Женщину мы провожали в слезах, они были у всех, а я ещё с уверенностью подумала, вытирая глаза: дочь живой она не найдет...

Вторым был юноша, решивший, что я его первая любовь, которую он не видел с окончания школы. Тоже показывал фотографии. На нее я была похожа разве что цветом волос и глаз... Что я не его первая любовь, и юноша, и я поняли почти сразу. Но тут же уйти парень посчитал неэтичным. Мы мило пообщались минут двадцать.

А вот третий визитер был самым странным. Я его заметила, когда мы с Раисой Ивановной играли на улице в карты. Он наблюдал за мной, беседуя с медсестрой Катей. Вот она как раз и рассказала мне потом, что он мной интересовался, все спрашивал и спрашивал: кто, как оказалась, уточнял про диагноз. Денег ей даже заплатил... Катя честно призналась, что рассказала ему все, что знала. Потом мужчина ещё приставал с подобными вопросами к другому персоналу, даже Семеныч выделил ему время.

Но почему он не подошёл ко мне? Мог бы и со мной пообщаться, поговорить...

Сейчас мы с Раисой Ивановной сидим в саду и обсуждаем моих визитеров, периодически прерываясь на разгадывание кроссворда:

- оборот речи, непереводимый дословно на другой язык, шесть букв, начинается на "и", - читает Раиса Ивановна.

- Идиома, - отвечаю я с ходу, Раиса Ивановна вписывает слово и спрашивает дальше:

- Деление компаса, четыре буквы...

- Румб.
- Греческая русалка, пять букв...
- Наяда.

Раиса Ивановна смотрит меня из-под очков.

- Вот откуда ты это знаешь?

Знать бы мне самой. Просто слова вспоминаются на автомате, сами собой. И поэтому в ответ я лишь пожимаю плечами. Раиса Ивановна снимает очки, кладет их поверх журнала с кроссвордом. Немного отодвигается от стола и вдруг заявляет:

- Беспокоит меня тот мужик, последний. На бедного и переживающего родственника совсем не похож, на влюбленного тем паче...

Соглашаясь, я киваю. Он меня тоже беспокоит. При взгляде на него мелькнула мысль: он не тот, за кого себя выдает. Но почему - не знаю. Мой мозг или подсознание все чаще и чаще играет со мной в странную игру: вот тебе информация, а ты сама догадайся, откуда и зачем тебе она.

- Слушай, милая, а может, ты в какой криминальной истории замешана?

- Не знаю, - пожимаю я плечами.

- Эх, всё-таки хорошо тебе. Не помнить... Там, в прошлом, всякое может быть. Знаешь, как мне иногда хочется о чем-то забыть...

Женщина отворачивается, ее нижняя губа подрагивает.

- Раиса Ивановна, - обращаюсь я ласково, - я давно хочу

у вас спросить...

- О чем? - резко поворачивается она.

- Почему здесь нахожусь я - понятно, а вот что здесь делаете вы? Как попали?

Раиса Ивановна обычно не откровенничает. Редко от нее дождешься ответов на личные вопросы. И так не только со мной. Но сейчас она, видимо, решилась:

- А попала я сюда благодаря детям своим. Видите ли, я стала для них обузой. А что? Все, что можно, я им дала. Решили они сделать из меня сумасшедшую.

Я хмурюсь от услышанного:

- Но это же...

- Поганенько, да. Хорошо, что в овощ не превратили. А то сын пытался подкупить медсестричку одну. Но я ее во время раскусила. И, слава богам, есть у меня кое-что, отложенное на черный день. На длинный такой день, лет на десять растянется, - говорит Раиса Ивановна с сарказмом и улыбкой, но я чувствую и понимаю: ей больно.

- А внучка? - спрашиваю я. Теперь хмурится Раиса Ивановна:

- Какая внучка?

- Дочка сына, единственная ваша внучка, она же вас так любит.

- Откуда ты это знаешь? - с усмешкой интересуется Раиса. - Я ж тебе не рассказывала... И видеть ты ее не могла. В последний раз она меня навещала ещё до твоего появления

здесь...

- Разве? - искренне удивляюсь я и вдруг понимаю: да, Раиса Ивановна мне ничего такого не рассказывала. И внучку ее я не видела... Но я это откуда-то знаю. Что любит и...

- Она хочет вас отсюда забрать. И заберёт.

Раиса Ивановна хмурится и вдруг дёргается, мне на секунду кажется, что ей плохо. Но нет. Она залезает в карман очередного пёстрого халата и достает из него телефон. Старый, кнопочный. Удивлённо смотрит на экран, потом на меня.

Я почему-то улыбаюсь, а Раиса Ивановна с лёгким недоумением снимает трубку. Начав разговор с банального "алло", женщина тут же меняется в лице - улыбается, да так, как я ещё ни разу не видела.

Чтобы не мешать, я встаю из-за стола и отхожу на несколько шагов, иду ближе к забору. Медленно, играючи ступаю по сочной траве... Хочется сбросить обувь и погулять босиком! Несмотря ни на что, здесь так красиво и воздух свежий...

Здесь когда-то был сад, фруктовый: яблони, груши, вишни. Его вырубили, оставив лишь пару деревьев. Зачем?

Стоп! Вот откуда я это знаю? Причем точно, уверенно так.

Я оборачиваюсь, смотрю на цветущий каштан, возле которого стоит стол, за которым сидит Раиса Ивановна, и вдруг... Зрение будто рассеивается, заставляя прикрыть отяжелевшие веки. Я прикрываю, трясую головой. В лицо бьёт яркий свет, я открываю глаза и... так явно вижу сад.

Вон деревья, много, все в цвету. Так красиво...

Но явно это не тот сад, в котором я нахожусь. Нет ни корпусов больниц, ни Раисы Ивановны под каштаном...

Тут вообще нет каштанов...

Опускаю голову и смотрю на свои ноги. На мне длинная голубая юбка, поверх которой белый накрахмаленный передник с кружевом по краям. Странная одежда, не современная совсем... А вот ступни босые, я специально гуляю так, по молодой траве. Это полезно.

Тут я словно кожей чувствую настойчивый взгляд и резко оборачиваюсь. В самом конце сада, у кованого заборчика, вижу мужчину. Он идёт мне навстречу. И он так далеко, его трудно разглядеть... Но так хочется. Мужчина озирается по сторонам и почему-то срывается на бег, несётся ко мне, а я испуганно делаю шаг назад...

- Милая! - слышу голос Раисы Ивановны, и странное видение мгновенно исчезает. Я больше не вижу мужчину... Я вижу женщину, сидящую за столом под каштаном. - Иди-ка сюда!

Сердце бешено стучит. Глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. И медленно подхожу к столу.

Вот что это было? Игра воображения? Или видение из прошлого?

Да что там в нем?!

Взгляд у Раисы Ивановны странный, и я интересуюсь:

- Что-то случилось?

Женщина крутит в руках телефон, щурится, как от ярко-

го солнца, хотя сидит в тени. Потом достает сигареты, прикуривает и говорит:

- Внучка позвонила и сказала, что нашла работу под Питером. Купила там дом и... - она выдерживает паузу, - зовёт меня к себе.

- Вот, я же вам говорила, - улыбаюсь я. Но вот Раиса Ивановна улыбаться не собирается.

- Ты откуда знала? - я пожимаю плечами. - Странная ты, милая...

Тут я киваю, потому что понимаю: да, я странная! Но почему я такая?

- Слушай, а может, ты экстрасенс?

Что значит это слово - я понимаю. Но вряд ли оно относится ко мне.

- Вы в них верите?

- До встречи с тобой я даже не думала об этом, - фыркает Раиса Ивановна. Выпускает облако горького дыма в мою сторону. Я опускаю глаза, которые начинают слезиться. То ли от дыма, то ли...

- Когда уезжаете? - с грустью спрашиваю я.

- Надеюсь, что уже завтра. Внучка уже едет, - отвечает она тоже с небольшой грустью. - Как ты тут без меня будешь?

Глава 4

Глава

Голова раскалывается. Даже таблетка не помогает.

Я ставлю автомобиль в гараж и через него захожу в дом. На громкий хлопок со стороны столовой появляется Нина. Увидев меня, домработница улыбается.

- Добрый вечер, - здоровается она.

Я киваю, потирая виски на ходу. Миную гостиную и собираюсь подняться на второй этаж.

- Сейчас Саша прийти должен, - бросаю я через плечо Нине. - Пусть поднимется.

- Хорошо, - слышу в ответ.

Поднявшись, на несколько секунд замираю у двери своей комнаты. Но кошусь на соседнюю, комнату брата. Не знаю, зачем и почему, я делаю к ней шаг. Открываю и захожу, оставив дверь открытой нараспашку.

Несмотря на то, что брат отсутствует уже почти две неде-

ли, в его комнате пахнет свежестью. А ещё лавандой. Любимый аромат Ромы. Говорит, он его успокаивает и помогает настроиться на нужный лад. Даже одну из стен брат выкрасил в лавандовый цвет. Лично меня он напрягает, я бы не смог жить в комнате со стеной такого цвета.

Но есть и другая причина моего напряжения - именно на этой стене висят картины. В несколько рядов, в шахматном порядке... Картины, написанные братом.

Я пододвигаю кресло-качалку - ещё одна блажь брата - в центр комнаты и ставлю его напротив лавандовой стены. Сажусь. Поочередно смотрю на каждую картину. Внимательно. Тщательно. Словно пытаюсь увидеть то, чего раньше не видел.

На всех одна и та же девушка. Вроде обычный типаж: четкий овал лица, темные волосы, светлая кожа, голубые глаза... Но столько в них всего! На каждой картине разные эмоции, которые брату удалось передать именно глазами. Я как будто не на нарисованные портреты сейчас смотрю, а на фотографии. Такие живые, настоящие...

У брата всегда был талант к рисованию. Но вот портретизм никогда не был его сильной стороной. Ни я, ни отец у него так не получались, как получается она. Дана.

Вымышленная женщина брата, ставшая нашим кошмаром.

До сих пор не верю, что она существует... Если бы сам не увидел тот сюжет.

В доме звенит дверной звонок. Но я не поднимаюсь с кресла, а продолжаю сидеть, прислушиваясь. Мужской голос, голос Нины, шаги внизу, потом скрип нескольких ступеней - дому требуется ремонт, как раз хотел этим заняться. Когда по звукам понимаю, что человек поднялся на второй этаж, выхожу из комнаты.

- Добрый вечер, - здоровается Саша, приближаясь ко мне. Лицо сосредоточенное, равнодушное. Он почти всегда такой - мало эмоциональный.

Я здороваюсь в ответ и киваю на дверь, за которой находится кабинет. Мы поочередно заходим и садимся за небольшой стол, друг напротив друга.

- Рассказывай, что узнал, - даже чересчур требовательно прошу я.

Саша кивает, открывает свою сумку и достает из нее планшет. Снимает блокировку, кладет его на стол и начинает рассказывать, периодически подсматривая в планшет.

- Девушку, которая вас интересуется, нашли два месяца назад, первого мая, она бродила вдоль водохранилища, на востоке города...

- Какого мая? - с удивлением перебиваю я, решая, что ослушался.

- Первого, - повторяет Саша.

Я хмрюсь от недоумения. Надо же, какое совпадение!

- Ну так вот, - продолжает он. - Она бродила вдоль водоема, в одном белом платье, причем в мокром. Хотя погода и

стояла уже теплая, но не настолько. В общем, на нее обратила внимание парочка молодых людей, гулявшая с собакой. Подошли. Выяснилось, что девушка ничего не помнит: ни где она находится, ни как здесь оказалась, ни своего имени и ничего из своего прошлого. Девушка выглядела прилично: чистая, ухоженная, речь не скандированная, четкая, на наркоманку не похожа. Парочка отвела ее в ближайшее отделение полиции. Там она написала заявление, которое приняли, девушку сфотографировали, внесли в базу потеряшек и отправили в медицинское учреждение. В больнице ее осмотрели врачи, взяли анализы, положили в стационар. Две недели девушка провела там. Ей поставили диагноз: диссоциативная амнезия, при которой забываются факты из личной жизни, но сохраняется память на универсальные знания. Диссоциативная амнезия обычно является результатом психической травмы, однако ни травм, ни заболеваний, предшествующих этому, у девушки обнаружено не было. Абсолютно здоровый человек, примерно двадцати пяти лет...

Двадцати пяти лет. Ровесница Ромы. И именно столько его Дане... Как-то всё странно это. Очень странно.

- На теле нет следов от пластических операций? - интересуюсь я.

- Нет, - качает головой Саша. - Ни следов, ни прочих шрамов. Татуировок и родимых пятен - и тех нет. Оттого и описать ментам девушку трудно было - никаких опознавательных примет. "Неизвестная в белом платье".

- Ясно, - киваю я. - Сейчас она там же, в больнице?

- Полтора месяца назад девушку перевели в специализированную лечебницу... Я съездил туда, и, по сути, это учреждение не муниципальная психиатрическая больница на окраине города. Находится под патронатом неравнодушного мецената, чей отец болен синдромом Корсокова, это разновидность амнезии, при которой человек не может запоминать текущие события при частичном сохранении памяти на прошлое...

Я хмурюсь от ненужной информации и спрашиваю:

- Что ещё о девушке можешь сказать?

- Красивая, - улыбается Саша, но буквально через секунду его лицо вновь становится сосредоточенным, он опускает голову, листает планшет и говорит: - Начитанная, явно образованная. Знает несколько языков: английский, французский, немецкий и... Азербайджанский, - я в удивлении приподнимаю брови, и мне тут же поясняют: - В лечебнице этой младшим персоналом работает девушка из ближнего зарубежья, однажды ей плохо стало и начала она кричать на родном языке, никто ничего не понял, а вот ваша неизвестная тут же перевела, что сказала азербайджанка... Ещё она разбирается в лекарствах, диагнозах. Вполне возможно, что у девушки есть медицинское образование.

Я отстукиваю пальцами дробь. Думаю. Точнее, додумываю то, на что почти решился.

- Она вообще ничего не помнит? - уточняю я.

- О своей жизни - нет. Мне удалось побеседовать с главврачом, и он мне признался, что они какое-то время считали - девушка притворяется. Старо и нынче популярно - сбежала от любовника или мужа-тирана и просто прячется... Но... Следов насилия не обнаружено. Психически тоже не больна, однако многие среди медперсонала говорят, что она немного странная.

- Чем?

- Может ни с того ни с сего в себя уйти, задуматься, а потом выдать такое... Одна медсестра мне рассказала, подходит как-то она к другой медсестре и говорит: не садись сегодня за руль, та отмахнулась, поязвила и вечером на своей машине домой поехала. И в аварию попала... Ещё случай, после того как сюжет про неизвестную, потерявшую память, показали, приехала девушку женщина опознавать, думая, что она ее пропавшая дочь. Не она. В расстроенных чувствах женщина уходила, а девушка такая шепотом при медсестре: живой она дочь не найдет... Меня это зацепило, узнал я про ту женщину... Она нашла дочь через три дня. Мертвой. - С каждым словом Саши я хмурюсь все больше и больше. Не нравится мне все это, но... Людям свойственно все преувеличивать. И приукрашивать. "Она у меня такая чувствительная", - вспоминаю неожиданно слова брата. - В полицейской базе данных ее нет: не привлекалась. Я перерыл весь интернет, подключил старые связи... В общем, ее никто не ищет. Такое ощущение, что она взялась из ниоткуда...

Из ниоткуда... А я вот готов сейчас поверить - она взялась прямиком из головы брата! Никак иначе.

Я открываю ящик стола. В нем лежат два конверта, я достаю один и протягиваю Саше:

- Это за проделанную работу, - Саша берет конверт, пододвигает к себе. Прощупывает пальцами, но внутрь не заглядывает. А я невольно смотрю на портрет в рамке, стоящий на столе. Я, Ромка и отец... Что бы сделал он сейчас? За день до смерти отец попросил меня: если я вдруг в чем-то сомневаюсь, представить его на моем месте. Это я и делаю. И ответ приходит мгновенно. В эту секунду.

Ведь все не случайно. Подстроено это кем-то из знакомых или чем-то свыше. Но такой шанс упускать нельзя. Отец не простил бы.

- У меня для тебя есть ещё одно поручение, за которое я готов заплатить в три раза больше, чем сейчас, - здесь я достаю второй конверт и кладу его перед собой.

- Что я должен сделать?

- Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Мы покидаем кабинет, и я веду Сашу в Ромкину комнату. Захожу первым и замираю у кресла-качалки. Саша равнодушно оглядывается, но, когда он натывается взглядом на стену с портретами, выражение его лица резко меняется.

- Так вы с ней знакомы? - удивлённо спрашивает он.

- Можно сказать и так, - усмехаюсь я и подхожу к самой большой картине, на которой девушка застывшим движени-

ем поправляет волосы за ухом.

- Она - жена моего брата. В его фантазиях. Уже почти пять лет брат бредит этой девушкой, никто из нас ее никогда не видел, разве что на этих картинах, которые остервенело пишет мой брат. Возможно, они где-то когда-то встречались и ее образ прочно въелся в подсознание и сердце брата... Понимаешь, он болен, в общем, и ею в частности.

Саша смотрит на меня вдумчиво, потом бросает беглый взгляд на лиловую стену и тихо спрашивает:

- Что вы хотите, Руслан Алексеевич?

- Я хочу дать брату то, что хочет он. И мне нужна твоя помощь, - я вздыхаю и добавляю: - Без нее Рома умрет, уже пытался. Она ему нужна.

Глава 5

Глава

После отъезда Раисы Ивановны мне становится грустно. В этот же день. Такая тоска за себя, но при этом радость за нее. Раисе Ивановне хорошо будет с внучкой. С ней ей повезло. Заботливая, любящая... Она внешне очень похожа на бабушку.

Уезжая, Раиса Ивановна старательно сдерживала слезы, я чувствовала - она переживает за меня. Даже поцеловала на прощание. И оставила свой номер телефона. Но я пока не звоню. Надо привыкать находиться здесь без нее.

Я почему-то уверена - мне не впервой. Привыкать.

К одиночеству уж точно...

Хоть и трудно.

Общаться мне не с кем. Я пыталась заговорить с одной девушкой за завтраком. Но она на контакт не пошла и молча

пересела за другой стол. Медсестры, да, общаются, но у них своих рабочих дел полно.

Вот я и провожу большее количество времени на воздухе. Книжки и кроссворды мои спутники на эти два дня. А ещё я, кажется, измерила шагами всю территорию сада.

Трава приятно щекочет ступни. Я опять гуляю, босиком. Мне нравится, от этого появляется лёгкое, едва уловимое чувство объединения с природой. Мне даже кажется - я заряжаюсь энергией. Она проникает во все клеточки, питает меня. Наполняет силой. И тела, и духа.

А ещё я лелею надежду вновь окунуться в то видение, что было у меня здесь. Я хочу увидеть и разглядеть того мужчину, спешащего мне на встречу в чужом цветущем саду. Наша встреча была так важна для него... А может, и для меня?

- Аня! - кричит Катя, я оборачиваюсь - медсестра стоит на ступеньках нашего корпуса и машет мне рукой. - К тебе приехали!

От фразы медсестры я улыбаюсь. Может, на этот раз ко мне наконец-то приехали мои близкие? Сердце в предвкушении начинается бешено биться.

Подхожу, нет, почти подбегаю. У лестницы надеваю шлепанцы и поднимаюсь. Ноги ватные, а руки трясутся...

- Кажется, на этот раз тебя нашли, - улыбается медсестра, берет меня под руку и ведёт в здание. Больше она ничего не произносит, лишь продолжает загадочно улыбаться. Мы

проходим по широкому коридору и сворачиваем. Минуем столовую и небольшую открытую комнату, в которой работает телевизор. Сворачиваем ещё раз и тут же оказываемся перед дверью кабинета главврача. Катя стучит, мы слышим ответ "входите", и сразу после этого моя сопровождающая открывает дверь.

Я захожу одна, неуверенно и медленно, почему-то не решаясь поднять опущенные в пол глаза. Хлопок за спиной заставляет дёрнуться - и меня волной накрывает шлейф терпкого мужского одеколona. Нет, не Семеныча. Запах принадлежит другому человеку.

- Это за тобой... - произносит главврач. Я поднимаю голову, смотрю на него. Как он довольно улыбается и кивает на мужчину, сидящего за большим столом по его правую руку.

Перевожу взгляд с диким чувством тревоги. И встречаюсь глазами с глубоким, серо-голубым взглядом, принадлежащим мужчине, чей запах и накрыл меня. Ему лет тридцать. Светлые волосы, прямой нос, бантик розовых губ, на них - лёгкая улыбка, от которой на щеках появляются небольшие ямочки... Их видно даже через небольшую и аккуратную щетину.

- Здравствуй, - здоровается он и смотрит так внимательно, как будто видит в первый раз. А потом тихо произносит: - Дана...

- Дана, - повторяю я, и это слово, это имя, сорвавшись с моих губ, теплым и ласковым потоком заполняет простран-

ство вокруг!

Меня охватывает странное чувство, хочется и смеяться, и плакать одновременно. Ведь я понимаю: Дана - мое имя! Мое! Я нашла его. Теперь знаю.

Становится легче. Как камень с души сваливается. Теплый поток теперь разливается по телу. Ноги подкашиваются, и я чуть не падаю, мужчина успевает вскочить и поймать меня, а потом помогает присесть на стул рядом с собой. А я ловлю его запах, его взгляд. И руки у него такие крепкие, сильные, горячие...

- Вижу, свое имя ты узнала, - елеинно произносит Семенич. Перед ним на столе лежат документы, которые он сейчас убирает в коричневую папку и пододвигает ее светловолосому мужчине. Все это подмечаю боковым зрением, ведь мы с мужчиной продолжаем смотреть друг на друга. И оба с одинаковым интересом. Что-то знакомое есть в нем, но такое прозрачное, неуловимое...

В груди колет. Сильно и опасно. Я его знаю! Но не узнаю.

Кто он?

Друг?

Брат?

Любимый???

Не чужой. Не недруг.

Между нами искрит что-то, необъяснимое и напряжённое.

- Имя, да, узнала, - киваю я, не отводя взгляда от серого-

лубых глаз, чьи зрачки слегка расширяются. И я вижу в них свое отражение. - А вот вас - нет... вы кто?

- Ты... - поправляет мужчина сипло, откашливается и, разрушая наш зрительный контакт, отвечает: - Я брат твоего мужа. Меня... зовут Руслан, брата - Роман.

Хмурюсь. Мужские имена мне ничего не говорят. Совсем. Не было таких ощущений, какие появились от моего имени.

И он сказал "брат мужа"?

Значит, у меня есть муж?

Безумие какое-то! Быть замужней и не помнить этого. Не помнить мужа и не помнить своих чувств к нему.

Невольно смотрю на свою правую руку... Там могло быть когда-то кольцо? Не понимаю свою эмоциональную реакцию. Не чувствую ответа.

- А почему мой муж сам не пришел? - интересуюсь я с недоумением.

Семеныч переглядывается с женщиной, в его лице подобный вопрос.

Руслан теребит браслет золотых часов на запястье, а я смотрю на его руки - все мышцы напряжены. И только сейчас, поднимая взгляд выше, обращаю внимание, что на мужчине кипельно-белая футболка, обтягивающая его торс. Широкие плечи, широкая грудь...

- Поверь, - произносит он, - брат бы очень хотел быть сейчас здесь. Но не смог.

- Почему?

- Он... В больнице, - отвечает Руслан. Ему неприятно и даже больно. Чувствую его эмоции, так явно, так сильно. Переживает.

- Что-то случилось? - спрашиваю я почти шепотом.

- Все в порядке, - качает головой Руслан. Я хочу спросить ещё что-то, но Семеныч вдруг резко поднимается со словами:

- Что ж, Дана, пора собираться. Не вижу причин держать тебя тут.

Я киваю, хоть и с небольшим сомнением. Но если Семеныч так просто меня отпускает - значит, точно уверен, что отдаст меня в те руки. Проверил. Да и вторая причина есть - я занимаю платную койку, и её, видимо, давно пора освободить.

Мы покидаем кабинет. Сначала Руслан, за ним я, и последним выходит Семеныч. Запирает кабинет на ключ, а потом проходит вперёд и ведёт нас в мою палату. А я иду и кошусь на Руслана. Высокий, крепкий, симпатичный. Интересно, брат у него такой же? Насколько они похожи?

О чем я думаю?!

На сборы трачу очень мало времени. Моих вещей тут нет. Лишь платье, в котором я была в тот день. Белое, тонкое, длинное... Как только я не замерзла?

Все остальное чужое, подаренное равнодушными людьми - что-то ещё в больнице, что-то уже здесь. Их я

оставлю, вдруг ещё кому-то пригодятся? Катя, надеюсь, позаботится. Она самая добрая и отзывчивая из всех медсестер.

Собираю два пакета. Один отдаю Кате, которая заходит ко мне, как раз когда я собираюсь выйти из палаты.

- Повезло, - шепчет она, кивая на Руслана, пока тот забирает какие-то документы у стойки медсестер. - Красавчик. Дорогой одеколон, часы недешёвые, шмотки явно дизайнерские... Муж?

- Говорит, что он брат мужа, - пожимаю я плечами.

- Не вспомнила?

- Не могу понять. Пока не знаю.

Руслан оборачивается, видит нас. Складывает бумажки пополам и сует их в папку, которая недавно лежала на столе Семеныча.

- Готова? - спрашивает он и с удивлением смотрит на мой почти пустой пакет. - Не густо. Но не переживай - дома еще много твоих вещей.

- А мы живём вместе? - спрашиваю я.

- Да, у нас большой дом, - кивает Руслан.

Перед глазами неожиданно появляется картина - двухэтажный дом, окрашенный в голубой цвет, белые наличники, широкое крыльцо с четырьмя колоннами... Картинка молниеносная - вспышкой, яркой, сочной, как ковер цветов на клумбе вдоль дороги к этому дому... И все. Исчезает. Так же неожиданно, как и появилась.

Мы с деверем, так же вроде называют брата мужа, идём к выходу. Идём рядом, но соблюдая определенную дистанцию. И молча. Я не решаюсь начать задавать вопросы, хотя очень хочется. А он... Не знаю. Такое ощущение, что я... чужая для него? Может, мы просто мало общались в прошлом?

Провожает нас только Катя. У ворот она обнимает меня, желает всего самого хорошего. А я киваю и вдруг оглядываюсь, смотрю на серое здание корпуса, в котором прожила полтора месяца.

И понимаю: сюда я больше не вернусь.

Глава 6

Глава 6

Руслан

Мне некомфортно. И жутко неудобно, даже стыдно.

Я же вру! Вру этой девушке, которая ничего о себе не помнит...

Наверное, это очень странно. То, что она чувствует. Не помнить себя, свою жизнь... Мне, конечно, верить ей трудно. Но и не верить нет причин.

А точно не помнит? Осталось у меня ещё сомнение, которое, черт тебя дери, рассеивается, стоит мне посмотреть на ожившую фантазию брата.

Вот она - сидит сзади. Смотрит в окно. Я рассматриваю ее исподтишка, через зеркало заднего вида. Вид у нее сейчас непонимающий и заинтересованный. Она кусает губу, мило хмурит бровь и смотрит в окно.

Темные локоны обрамляют лицо. Кожа светлая, почти прозрачная. Лишь на щеках румянец, как мазок пастельного мелка, растушеванного пальцем.

В жизни она точно такая же, как на картинах. Да, признаю очевидное - красивая...

Черт! Как я ненавидел эту красоту, положенную братом на холсты. Каждую новую картину ещё больше и больше. Однажды я даже порвал один портрет, на котором Дана парила над землёй. В белом платье... Эта картина буквально пугала меня, будила странные чувства. Я сжёг в камине порванные в порыве злости и ненависти куски бумаги. С удовольствием смотрел, как они превращаются в пепел. Мечтал, чтобы вот так же сгорел образ. Раз и навсегда!

А теперь боюсь смотреть на нее, потому что, когда смотрю, не могу отвести взгляда. Она светлая какая-то. Немного отрешенная. Воздушная... Это настолько мило, настолько зачаровывает. Что становится не по себе.

- Я могу посмотреть свои документы? - аккуратно спрашивает девушка, коснувшись моего плеча. Я невольно оборачиваюсь. На секунду...

Вот это волна! Вот это взгляд! Ее глаз... У нее, живой и настоящей. Глаз, горящих застывшим холодным огнем. Говорят же, что они - зеркало души. И я действительно будто бы вижу в них что-то необъяснимое, загадочное...

Мимикой, если человек обманывает, можно сыграть, а вот

глазами?

Все, не смотреть на нее. Мне нужно время, чтобы привыкнуть к ее реальности.

- Конечно, - отвечаю я и, не глядя, протягиваю девушке папку, которая лежит со мной рядом, на пассажирском сидении. В папке документы: паспорт, медицинская страховка и свидетельство о браке. Все оформлено задним числом. И заплатил я за это приличную сумму. Спасибо Саше и его связям.

Она берет документы, перебирает и достает свидетельство о браке. Рассматривает внимательно. Я вижу это, периодически бросая на девушку взгляд через зеркало. И я понимаю, почему ее заинтересовал именно этот документ - в свидетельстве много информации. Девичья фамилия, дата рождения, бывшая прописка... Над этими пунктами я ломал голову дольше всего. Место рождения выбрал северней и как можно дальше от наших мест, чтобы не было желания туда съездить. Фамилию и отчество самые простые - Иванова и Александровна.

Но теперь, по документам, она носит фамилию мужа. Нашу фамилию. Троцкая. Троцкая Дана Александровна.

Кстати, удивительно, что, когда я произнес имя "Дана" в кабинете главврача, оно произвело на нее такое впечатление.

Неужели это правда ее имя?

Так, черт побери, бывает?

- У меня скоро день рождения, - подмечает девушка, про-

должая изучать документ. Я киваю. И дату эту выбрал не случайно - каждый год Рома отмечает день рождения Даны именно в этот день: покупает торт и шампанское, ставит в гостиной цветы, просит накрыть стол... Помешательство на грани сумасшествия. Но я к нему, по большому счету, привык.

- Где мои родители? - звучит жалобно вопрос.

- Не знаю, ты из детдома, - сухо отвечаю я. Да, такая легенда. Грустная, но вполне себе распространенная.

Она молчит. Думает. А потом смотрит на меня через зеркало, когда наши взгляды встречаются, она интересуется:

- Как я оказалась в этом городе?

- Вроде приехала учиться.

- И где я училась? На кого?

- Не знаю, - произношу я и демонстративно отвожу взгляд. Процент дискомфорта зашкаливает. Моего дискомфорта. Мне противно все это говорить. Мы с Сашей думали про диплом о высшем образовании. Но какую указать специальность - неизвестно. И Ромка никогда про это не говорил. "Дана может и умеет все", - вот это все, что я знаю и помню.

Девушка... (Черт! Она - Дана! Надо приучить себя называть ее так. Даже мысленно) Дана ёрзает на месте. Видимо у нее много вопросов, но она видит и понимает, что я не особо настроен на них отвечать. Однако спустя пять минут она все же просит:

- Расскажи мне про меня все, что знаешь.

Я ждал этой просьбы. Но все равно к ней не готов сейчас. Круто поворачиваю руль, съезжая с трассы. Делаю вид, что меня очень интересует местная дорога.

- Мы с тобой практически не общались, - отвечаю. - Я, признаться честно, знаю о тебе немного.

Глубокий вздох в ответ.

- Тогда расскажи мне про моего мужа, про Рому, - просит она вдруг.

Черт! Это так легко и так сложно одновременно. Легко перечислить его положительные качества - их много. Сложно рассказать, чем он отличается от других.

Но это придется сделать. И лучше раньше, чем позже. Однако начинаю я с положительного в общепринятом смысле:

- Он добрый. Трепетный и заботливый. Искренний, говорит то, что думает...

- Чем занимается?

- Художник, - фыркаю я и добавляю: - Точнее, мультипликатор. Ведёт канал в интернете, выкладывает свой собственный мультипликационный сериал. Про ангелов, за основу взял сюжет дилогии Бернара Вербера.

Вот ещё одно странное увлечение брата - мистическая литература. Скупает все: и новинки, и старье. Как я злился, когда Ромка купил коллекцию раритетных изданий Гоголя. Их даже читать сложно, Рома сам признавался... Но потом я остыл и понял, что это, в принципе, неплохое вложение денег. Причем денег отца, на которые брат имеет не меньше

прав, чем я.

Я невольно смотрю на Дану. Взгляд задумчивый, отрешенный. Словно она пытается что-то вспомнить, и воспоминание это рядом, вот-вот, на грани.

- Почему вы так долго меня искали? - спрашивает она.

Твою ж! Вот сейчас начнется самое интересное и противное. Мне придется врать по максимуму, пересказывая фантазийный бред брата. Одно хорошо - я многое запомнил из Ромкиных рассказов о Дане. Пришлось, брат их практически заставлял слушать. Так что моя версия должна полностью совпасть с версией брата. Он, между прочим, ещё не знает, что я нашел его Дану. Пока не сказал. Просто не знал как, так что будет ему сюрприз.

- Вы с Ромой поругались, - начинаю я, - и ты, собрав немного вещей, ушла. Такое бывало и раньше, ты часто уходила... Ромка думал, что ты уехала, чтобы развеяться. Ты вроде как любишь путешествовать и легко срываешься с места... Месяц тебя нет - пора бы уже вернуться. Телефон не отвечает. Ромка уже в панике, бросается на меня, просит тебя найти... В общем, у него случается срыв.

- Срыв?

- Дело в том, что... - вот это сказать сложнее всего. Я многим знакомым это не рассказываю, а тут, по сути, признаюсь постороннему человеку. - Ромка болен. У него эпилептические припадки вследствие родовой травмы. Подобные заболевания, как правило, часто сопровождают мигрень и де-

прессия... Рома наблюдается у психиатра. В последнее время у него все чаще появляются навязчивые суицидальные мысли при сильных головных болях... Он хотел руки на себя наложить, когда я ему сказал, что тебя не надо искать.

- А почему ты так ему сказал? - возмущенно спрашивает она. - Я... плохая жена?

Странно, что из всего моего рассказа это возмутило ее больше всего. Такое ощущение, что диагноз Ромки её совсем не пугает. А вот то, что она может быть плохой женой, ещё как.

- Ромка нежная натура и порой требует к себе чересчур много внимания. Ещё болезнь его... В общем, я подумал, что ты от него устала и просто решила отдохнуть. - Вот это говорить оказалось легко. Я даже нужные эмоции добавил. Потому что, появившись у брата женщина и поступи она подобным образом, я бы действительно думал вот так - сбежала. Так что все выглядит вполне реалистично.

- Но после срыва брата я пообещал ему тебя найти. Отправил брата в специализированный лечебный центр и приступил к твоим поискам, - добавляю я. - Я же не знал, что с тобой случилось на самом деле... Надо же, как бывает, ты потеряла память.

Дана собирается спросить что-то ещё, но замолкает, понимая, что мы наконец доехали до конечной точки маршрута: я торможу перед высоким металлическим забором, нажимаю на кнопку на пульте, и автоматические ворота тут же от-

кryваются. Плавнo въезжаю в темное пространство гаража, в котором от движения автомобиля тут же включается свет.

Глушу мотор и первым выхожу из машины. Открываю заднюю дверь, Дана, такого не ожидая, игнорирует мою протянутую руку и выходит самостоятельно. Оглядывается, обхватив себя за плечи. Я захлопываю дверь автомобиля, подхожу к двери, ведущей в дом. Толкаю и с улыбкой произношу:

- Добро пожаловать. Домой.

Глава 7

Глава

Когда Руслан сказал, что мой муж страдает от эпилептических припадков, меня это не испугало. Почему-то... Такое ощущение, что я про это много знаю. Как они начинаются, как протекают, что нужно делать, как помочь... Это не так страшно, как кажется, как думают люди. С этим можно жить. Да, больно когда страдает твой близкий... Руслан явно дал мне понять, что я ушла из-за болезни мужа. Но это же не причина бросать любимого человека? Я бы точно не бросила. Любимого...

А если он не любимый?

Меня ещё немного настораживает другое. Из всего нашего общения с Русланом, как он себя ведёт, как он отвечает, точнее, не отвечает на конкретно поставленный вопрос, у меня создалось такое впечатление, что он меня... недолюбливает. Вот только я не понимаю, почему и за что?

Хотя...

Это очень похоже на ревность. Первое определение всего его поведения, которое пришло мне в голову... Я чувствую, он ревнует... своего брата? Ко мне? Так выражается у этого человека братская любовь?

Конечно, ее не сравнить с другой любовью, например, к мужу или жене. Это совсем разное, и я понимаю - братская сильнее, потому что она никогда не пройдет. Она есть всегда. Ведь нет никого ближе брата или сестры. Одна кровь, общая история... Не знаю, что или кто может ее разрушить.

Не я... Мне это зачем?

Так дело в ревности или действительно Руслан сказал правду, и мы с ним просто мало общались? Нет у меня причин доверять этому Руслану. Но и нет причин не доверять.

Он не знает меня, я не знаю его. Логично? Да!

Но и у этого, наверное, есть причина? Жить в одном доме и не общаться - это странно. Для меня, во всяком случае.

Дом, кстати, очень красивый. И большой. Из гаража мы попадаем в просторный холл, который плавно перетекает в гостевую комнату. Большой стол, по краям стулья с резными спинками, стеклянная дверь мансарды, занавески слегка колышутся от приоткрытого окна. Напротив меня камин, над ним - картина, милый пейзаж с розами. Мне нравится. Мне даже это как будто знакомо... И уютно.

- Кто ещё здесь живёт? - спрашиваю я. Громко. Потому что стою довольно далеко от Руслана, обнимая себя за плечи. Мне так комфортно, хотя я понимаю этот жест - словно я защищаюсь. При этом осознаю - защищаться здесь мне не от кого.

Руслан наливает у камина в пузатый бокал янтарную жидкость из бутылки с красной этикеткой. Оборачивается, смотрит с прищуром.

- Не считая работников, живём мы здесь втроём, - отвечает он и делает глоток, от которого хмурится. - А раньше с нами жил ещё и наш отец.

- А где он сейчас?

- Умер, в этом году, - отвечает, делая ещё один глоток. - Первого мая.

В груди так колет. Очень больно и натянуто тонкой стрункой. Она звенит, вызывая вибрации во всем теле.

- Меня нашли в этот день... - признаюсь я. - Жаль, что я не была рядом с мужем в такой трудный момент, - ловлю взгляд Руслана, смотрит он исподлобья, настороженно, и под этим взглядом я раскаянно повторяю: - Мне, правда, жаль.

Руслан фыркает.

- Ты же не виновата... - произносит он. Но так, что я вдруг неожиданно чувствую - виновата! Только в чем? Меня не было тогда, я не помню...

Хочу подойти к брату мужа, но не решаюсь сделать и шага. Отвожу взгляд и тихо задаю вопрос:

- Как он умер?

- Сердечный приступ. У него было больное сердце.

- А ваша мама? - спрашиваю я аккуратно.

- Наша мама тоже умерла, давно, - отвечает Руслан.

Мне тоскливо за братьев. Однако у них есть близкий человек, родной. У меня нет. А если и были, я об этом не знаю и не знала. Ведь Руслан сказал, что я из детдома.

Решаю перевести тему:

- А как мы с Ромой познакомились?

- Про это лучше спросить у Ромы.

Такой ответ не удивил. Руслан старательно не отвечает на вопросы по поводу нас с мужем. И мне лишний раз кажется, что что-то здесь не так.

- Как ты считаешь - я его люблю? - вырывается у меня вдруг. Руслан смотрит на меня таким пронизывающим взглядом, будто бы хочет заглянуть внутрь, в душу, в сердце...

- Я знаю точно, что он тебя любит. Безумно... - говорит он, переводя взгляд. - Потерпи, он скоро приедет и расскажет тебе все, что ты хочешь знать.

Я киваю и улыбаюсь. Надеюсь, эта встреча расскажет мне больше. Надеюсь, Рома поможет мне все вспомнить.

В холле слышится стук каблуков, мы с Русланом одновременно оборачиваемся и видим, как в гостиную входит женщина. Волосы собраны в идеальный пучок, на носу очки в тонкой оправе. На женщине белая с коротким рукавом блуза

и тёмно-коричневая юбка-карандаш. В руках - поднос.

Зайдя в комнату, женщина смотрит на меня, резко останавливается, разводит руки, как от испуга, и поднос летит на пол.

- О боже... - шепчет она, уставившись на меня.

Руслан хмурится, представляя:

- Это Нина, домработница.

Я киваю женщине, она повторяет мое движение.

- Простите, - женщина отводит взгляд и опускается на колени, чтобы собрать то, что уронила.

Собирает медленно, руки ее слегка трясутся. А ещё она изо всех сил сдерживается, чтобы не поднять глаза... Чтобы посмотреть на меня?

Почему такая странная реакция?

- Что-нибудь желаете? - собрав все уроненное на поднос, интересуется Нина и бросает взгляд на Руслана.

- Дана? - спрашивает у меня он. Нина слегка дёргается, услышав имя. А я негоую, не понимая.

- Нет, ничего не хочу, спасибо, - резко отворачиваюсь и заморожено смотрю в окно. Подхожу к балконной двери мансарды, выглядываю:

- Там сад?

- Да, - отзывается Руслан.

- Можно мне выйти и немного погулять?

- Конечно. Ты можешь делать все, что хочешь, не спрашивая меня, - он смотрит на домработницу и говорит ей: - По-

зови Антона.

Женщина кивает и уходит. Но вскоре возвращается вместе с темноволосым юношей. У него совершенно равнодушное лицо, может, так кажется из-за солнечных очков, сквозь стекла которых не видно глаз. Несмотря на жару, на нем темный плотный костюм. Сложив руки в замок на уровне паха, юноша произносит:

- Слушаю вас, Руслан Алексеевич.

- Дана, это Антон. Он тоже здесь работает, - говорит Руслан. - Если тебе что-то нужно, ты всегда можешь обратиться к нему.

Я сначала хмурюсь, думая, кто этот человек. Охранник?

- Сопроводи Дану, - велит юноше Руслан. - Она хочет погулять в саду.

Негодую в очередной раз. Почему Антон должен сопровождать меня?

Неужели Руслан боится, что я сбегу? Или хочет меня от чего-то или кого-то защитить?

Антон подходит к двери, открывает ее и пропускает меня вперёд. Я выхожу, он выходит следом, но останавливается недалеко от входа, наблюдая за мной. Стараясь делать вид, что его присутствие меня не смущает, я иду дальше.

Большой сад. Много деревьев, как плодовых, так и декоративных. И цветы, клумбы, кустарники... Красивый и ухоженный сад.

Я брожу по сочно-зеленой траве, все внимательно рас-

смаatrивая. В том числе дом. Я же не видела его, когда мы подъезжали. Да и по периметру участка высокий и глухой забор.

Снаружи дом кажется просто огромным: бежевый фасад, коричневая черепица и наличники... Не этот дом возник в моем воображении сегодня.

От этой мысли печально вздыхаю.

И вдруг слышу скулеж. Протяжный, жалобный... Собачий. Оглядываюсь, ища, откуда идёт звук.

Справа, рядом с глухим забором, вижу огороженный сеткой-рабицей небольшой участок земли. На нем стоит собачья будка.

Подхожу и вскоре вижу того, кто скулит. Большая собака палевого окраса с коричневыми пятнами на лбу и спине. Массивная голова на короткой шее, мощный корпус, широкая грудь. Уши и хвост купированы...

Опять скулит. Ее явно что-то беспокоит. Я подхожу ещё ближе, собака меня замечает, вскакивает с места и, дергаясь на звенящей цепи, приделанной к будке, начинает яростно, с надрывом, гавкать.

Я смотрю ей прямо в глаза, в большие, темные. Ей - потому что она девочка. Протягиваю руку, касаясь пальцами сетки забора. Собака прекращает лаять, поворачивает голову набок и внимательно на меня смотрит...

Глава 8

Глава

Руслан

- Нина, я же просил... - начинаю я шепотом и кошусь на дверь мансарды.

Дана отходит от дома. Антон замирает у крыльца и наблюдает. Антона я нанял специально. Да, наблюдать... Черт, следить за этой девушкой! Он человек новый в этом доме, многого не знает. Да и не должен.

Мне пришлось на всякий случай уволить всех, кто здесь до этого работал. Кроме Нины. Прощаться с ней я не готов. Она столько лет с нами. Можно сказать - заменяла нам мать. Ромке-то уж точно. Нина пообещала, что ничем не выдаст. И вот тебе - такая реакция при виде этой девушки.

- Простите, я просто... - начинает причитать Нина.

- Я растерялась, увидев ее... Как же она похожа... Это невероятно... Такое ощущение, что...

- Я предупреждал, что похожа, - перебиваю, качая головой. - Постарайся и запомни - она жена Ромы. Та самая, о которой он твердил столько лет. Та самая Дана...

Нина отряхивает подол чистой юбки, выпрямляется, как по струнке смирно, и говорит:

- Я справлюсь. Привыкну.

- Очень тебя прошу... Это ради Ромы.

Нина понимающе кивает. И вдруг косится в сторону сада.

Здесь скулит Айша. Протяжно так, что становится не по себе... Раньше она издавала подобные звуки, когда уезжал Ромка. Его она как-то особенно любит. А сейчас скулит уже неделю, каждый день. Да и ведёт себя странно, никого не подпускает близко, от прогулок отказывается. Даже ест с неохотой, скалясь на того, кто приносит ей еду.

Собака шикарная в плане охраны. Но она уже немолодая, да и с жутким характером. Все, кто живёт или бывает в доме, ее боятся. Ещё бы! Семьдесят сантиметров в холке, шестьдесят килограммов. Это зверь. Как на вид, так и в поведении. Алабай - и этим все сказано.

Антон, к счастью, один из тех, кто собаку не боится. В его резюме было указано ОКД - основы кинологической дрессировки. Так что в последние дни именно ему я поручал собаку. Но даже он справлялся с Айшей с трудом.

- Руслан Алексеевич! - зовёт меня с улицы Антон, и я, слыша в его голосе настороженные нотки, тут же выхожу. - Мне стоит вмешаться? - кивает он в сторону забора, я пере-

вою взгляд и вижу такую картину: Дана стоит напротив собачьей будки, а Айша лает, остервенело, пытаюсь сорваться с цепи. Но Дана, вместо того чтобы испугаться и уйти, видя такое поведение собаки, подходит ближе и запускает тонкие пальчики в сетку забора вокруг будки.

И вдруг... Айша прекращает гавкать. Несколько секунд они просто смотрят друг на друга, а потом Дана открывает едва заметную дверцу, ведущую на огороженную территорию.

Твою ж мать!

Вот что она делает?!

Я быстро спускаюсь по ступеням, бегу к ним. За мной - Антон.

Кричу на ходу:

- Уйди оттуда!

Но меня не слышат. Смелая и чокнутая девушка уже заходит и... Опускается на корточки перед собакой. А Айша ведёт себя странно: сначала садится, а потом ложится Дана под ноги, виляя обрубком своего хвоста.

Что, черт тебя дери, происходит?

Мы с Антоном переглядываемся и, замедляя бег, молча подходим.

- Сколько ей лет? - не оборачиваясь, спрашивает Дана, когда мы останавливаемся рядом.

- Семь, - отвечаю я.

- Ей плохо, - сообщает девушка. Айша продолжает покор-

но лежать, а Дана, совершенно не боясь, спокойно гладит собаку по голове. - У нее что-то болит... Можно? - спрашивает Дана у собаки. И я, и Антон наблюдаем за этим с недоумением. И я бы сам не поверил, если бы не увидел - Айша отворачивает морду и позволяет Дане ее ощупать! Никогда и ничего подобного она не позволяла посторонним. Голову, шею, спину и лапы. Дана ощупывает животное аккуратно, на вид, я бы даже сказал, профессионально, а собака при этом не издает ни единого звука.

- Лапа... - произносит Дана, поглаживая правую заднюю конечность Айши. - Сустав... - задумывается на несколько секунд и выдает: - Похоже на артрит.

- Артрит? У собаки? - с усмешкой спрашивает Антон.

- Да, - невозмутимо отвечает Дана. - Ещё собаки диабетом и простатитом болеть могут.

- Ну, простатит Айше не грозит, - продолжает усмехаться Антон.

Усмешку Дана не замечает и категорично заявляет:

- Ей надо к врачу.

Думаю буквально секунду. Смотрю на собаку... Черт! Я же видел, что с ней что-то не так. Но были дела важнее.

А теперь мне даже немного стыдно... Мне стыдно перед собакой!

- Слышал? - рявкаю я на Антона. - Принеси намордник, Нина знает, где он. Повезешь Айшу в ветеринарку.

Злюсь на себя и понимаю, что тупо отыгрываюсь на пар-

не. Ведь ничего подобного не входит в его обязанности. Однако от моего рыка Антон молча семенит к дому. Придется выдать ему аванс.

Антон возвращается быстро, неся в руках кожаные ремни. Дана надевает намордник и ошейник на собаку, пристегивает короткий поводок и выводит Айшу. Она, рыча, косится на нас, но, стоит Дана ее погладить, собака тут же успокаивается. Чудеса какие-то!

Антон загружает собаку в машину, которую я выделил ему персонально. На всякий случай, для поездок Даны.

Я объясняю, как доехать до ближайшей ветеринарки, и даю деньги. Когда машина выезжает со двора, возвращаюсь к Данае.

- Я ветеринар? - спрашивает она вдруг. Я пожимаю плечами, при этом думая: а может? Может она быть ветеринаром? Осматривала Айшу она явно со знанием дела. Да и Саша говорил, что у нее может быть медицинское образование.

- Давай я покажу тебе дом, - предлагаю я с улыбкой, чтобы перевести тему. - А то ты ничего ещё не видела.

Черт! По легенде же видела, раз жила здесь. Но в силу обстоятельств фраза может быть понята и по-другому. И, слава богу, именно так ее понимает Дана. И идёт к мансарде.

Из гостиной мы идём на кухню, она же небольшая столовая. Именно здесь мы любим есть с Ромой, наблюдая как Нина хлопочет на кухне. Она и сейчас что-то готовит, стоя у плиты. На нас внимания совсем не обращает, и мы с Даной

идём дальше.

Первый этаж большой: тут две комнаты для персонала, в одной живёт Нина, в другой поселился Антон. Дальше - бильярдная, домашний кинотеатр, душевая, туалет и небольшая банька. Рядом с ними выход в бассейн. Дана заходит в это кафельное помещение и, остановившись у кромки, смотрит на спокойную гладь воды. Улыбается:

- Красиво.

- Хочешь искупаться?

- Потом.

Покинув помещение с бассейном, мы идём к лестнице и поднимаемся на второй этаж. Он чуть меньше первого, здесь спальные комнаты, кабинет и библиотека.

Я останавливаюсь у двери, пожалуй, самой необычной комнаты дома, берусь за ручку и сам не верю в то, что это говорю:

- Это твоя комната.

И ведь не вру. Эта комната действительно принадлежит Ромкиной Данае. После смерти отца брат велел выделить для жены комнату. Сказал, она потому и не возвращается, что некуда. Из-за этого мы немного поругались. Но потом я подумал, смирился. Как и со всем прочим.

Комнату обустраивал Ромка. Все, до мельчайших деталей, скрупулезно выбирал сам. Даже занавески и подушки на кровать.

А вот мне пришлось заполнить эту комнату до конца.

Женские вещи, одежда, сумочки, туфли, косметика и даже безделушки. Не может же девушка жить без всего этого?

- А мы с мужем разве не спим в одной комнате? - неожиданно звучит вопрос. И этот вопрос меня немного обескураживает.

Я об этом не думал. Совершенно. А ведь это вполне логично и нормально, когда муж и жена спят в одной комнате... Твою мать! Только сейчас до меня дошло - Рома же может захотеть этого? Захотеть спать с ней. При мысли об этом становится неожиданно противно. Потому что это нечестно и некрасиво по отношению к девушке.

- Комната Ромы соседняя, - отвечаю я и киваю на соседнюю дверь.

- Можно мне посмотреть?

Я отхожу от одной двери и подхожу к другой. Открываю, даже как-то нарочито медленно. Словно боюсь чего-то. Чего? Увидит она картины - так это только плюс ко всей легенде.

Захожу первым. Дана немного мнется на пороге, заходит. И сразу же обращает внимание на лиловую стену.

Смотрит. Заворожено. Ее голубые глаза в этот момент излучают такой огонь. Нереальный огонь в холодной бездне...

Глава 9

Гла

Сердце замирает от увиденного.

Я смотрю на картины и в каждой узнаю себя...

Да, это я!

Невероятно!

Портреты как будто живые. Точнее я на них такая. Запечатлена в движении, а не статично. Словно поймана, застукана. Неожиданно. На каком-то улыбаюсь, на каком-то грущу или смущаюсь с улыбкой на лице. Я же могу отличать свои эмоции. Особенно в глазах. Особенно на этих портретах.

- Это Рома написал? - уточняю я, хотя уже знаю ответ.

- Да, - произносит Руслан. - Я же говорил - брат тебя безумно любит.

Взглянув на эти портреты, понимаешь - да, любит. Я понимаю, чувствую, вижу... Только по-настоящему любящий человек мог написать такое. И этот человек - мой муж... Как жаль, что я его не помню. И как жаль, что здесь нет картин с его изображением.

Рассматриваю все картины по очереди, долго, внимательно, Руслан мне не мешает, стоит и молча наблюдает. Хотя я и чувствую от него вибрации, похожие на лёгкое недовольство.

Одна картина особо привлекает мое внимание, на ней я в голубом платье, поверх надет белый передник, стою на фоне голубого дома с белыми колоннами. Понимаю - это тот самый дом, который привиделся мне сегодня.

- Где написана эта картина? Что это за дом? - спрашиваю я.

- Не знаю, - пожимает плечами Руслан. - Да и скорее всего, эта картина плод воображения брата, - он фыркает и добавляет: - Рома любит фантазировать и переносить свои фантазии на холсты.

С досадой хмурюсь. Ведь я решила, что именно этот дом привиделся мне неспроста. Что-то он значит. Он должен существовать... Да и одежду похожую я тоже уже видела. Точнее себя в ней, в том саду с незнакомцем.

Было это или все увиденное тоже плод уже моего воображения, подсмотренного у мужа на картине?

- Когда мой муж возвращается? - спрашиваю тихо, продолжая смотреть на картину с голубым домом. Он не отпус-

кает. Притягивает взгляд... И будит во мне что-то щемящее, теплое... Нет, это не фантазия, я точно знаю этот дом. Я точно в нем была когда-то.

- Возможно, послезавтра, - отвечает Руслан и делает шаг к выходу. Таким образом он намекает, что нам надо покинуть эту комнату. Но мне не хочется. А хочется побыть здесь подольше и рассмотреть не только картины, но и всю обстановку.

Однако я следую за братом мужа, стараясь за несколько секунд оглядеть комнату. Кровать, двуспальная, большой стенной шкаф, стул и стол с компьютером, кресло-качалка... И запах лаванды. Тонкий, вкусный... Я люблю этот запах.

Руслан останавливается у комнаты, которую назвал моей.

- Может, ты хочешь переодеться? - спрашивает он вдруг, оглядев меня. Спортивные штаны, растянутая футболка и резиновые шлепанцы-вьетнамки. Да, в этом виде в таком доме я смотрюсь нелепо. Даже домработница Нина выглядит намного лучше. - Принять душ? В каждой комнате отдельный санузел.

- Хорошо, спасибо.

Я подхожу к двери тянусь к ручке, в этот момент Руслан делает то же самое. Буквально на секунду наши пальцы касаются друг друга. Мы одергиваем руки, как от удара тока.

- Через полчаса спускайся к ужину, - бросает Руслан и спешно направляется к лестнице. Я провожаю его взглядом, потирая ладонь. Такое ощущение, что она горит. С осторож-

ностью нажимаю на ручку, и открываю наконец-таки дверь.

В комнате темно - плотные шторы сдвинуты. Через них не пробивается ни лучика света. А ведь на улице всё ещё светло. Первым делом подхожу к окну и раздвигаю шторы. Небольшое помещение тут же наполняется теплым светом. Теперь я могу осмотреться.

Весенняя - так можно охарактеризовать комнату. Много сочных и ярких оттенков зелёного, в основном в текстиле: шторы, подушки, покрывало и пушистый ковер посреди помещения.

Я не узнаю комнату, хотя признаю: мне здесь вполне комфортно.

Кровать большая, двуспальная, она даже больше, чем в комнате Ромы. Слева прикроватная тумбочка, на ней светильник с кружевным зеленым бра. Над кроватью висит тряпичное полотно, на котором изображен заход солнца... Почему я решила, что заход? Может быть восход?

В рисунке преобладают темные цвета, но это не нагнетает. Наоборот, в этом есть что-то романтическое. С моего ракурса кажется, что влюбленные наблюдают за тем, как садится солнце... Да! Это определенно закат.

На противоположной стене, ближе к окну, почти не приметная дверь. Рядом с ней стенка с телевизором, книгами, какими-то милыми безделушками: статуэтки, свечи... Но здесь нет фотографий. Вполне возможно, что в современном мире мало кто хранит бумажные снимки, все в основном в

цифровом виде. Но и компьютера в комнате тоже нет.

Стенка заканчивается высоким угловым шкафом. Подхожу к нему, распахиваю дверцы и смотрю внутрь. Сверху две полки со сложенной одеждой, снизу несколько пар обуви, а посередине шкафа идеальный ряд нарядов на вешалках... Как много одежды! И какая она разная, здесь просто изобилие различных цветов и тканей... Провожу по вешалкам рукой, едва касаясь пальцами. Неужели я все это ношу? Например, это синее короткое платье с баской на талии? Или это красное, длинное в пол, но с открытыми плечами и спиной. А жёлтое? Такое яркое, что глаза устают смотреть. Есть ещё розовое, кружевное. Белое, в зелёный мелкий горошек с пышной юбкой... Все это очень красиво. Но ничего не говорит о стиле хозяйки. Ничего не говорит обо мне.

Лезу на полку со сложенной одеждой. Джинсы, юбки, футболки и блузы... Вот это уже ближе ко мне, что ли...

У стены, что ближе к прикроватной тумбочке, стоит трюмо. На нем два серебристых чемоданчика: один большой, другой раза в два меньше. Подхожу, невольно ловя свое отражение сразу в трёх зеркалах, и открываю маленький чемодан.

Золото. Много золота: серьги, кольца, браслеты, цепочки. Большинство украшений с камнями, в основном, россыпь прозрачных камушков. Мне нравится золото, но вряд ли настолько, что бы иметь его так много. Примеряю, пожалуй, самые простые сережки-пуссеты с голубым камнем. Смот-

рю на себя. Камни мерцают и перекликаются с цветом глаз. Улыбаюсь. После чего открываю другой чемодан. В нем косметика. Ее тоже много, и она разная. Перебирая коробочки, тюбики, баночки, читаю названия. Понимаю, что написано, но не понимаю, для чего и как этим пользоваться. Мне сейчас почему-то кажется, что я практически не крашусь. Бро-саю очередной взгляд в зеркало... Зачем столько косметики?

Зачем портить то, что дала природа?

Открываю ящики. Пусто, ни клочка бумаги. И это странно как-то.

От трюмо отхожу и направляюсь к двери у стенки. За ней, скорее всего, ванная, открыв дверь, убеждаюсь, что так оно и есть. Холодное, кафельное помещение. И если в комнате преобладают зелёные цвета, тут все голубое. Даже полотенца и халат, что висят на нескольких крючках.

Сама ванна белоснежная, так и хочется залезть в нее и по-нежиться часок-другой. Но я борюсь перед этим искушением и быстро принимаю душ. Потому что полчаса за рассмотрением комнаты пролетело быстро. Меня ждут на ужин.

Из ванной выхожу, обмотавшись полотенцем. Смотрю на открытый шкаф. Мне почему-то хочется одеться нарядно. Но не чересчур. Делаю шаг к шкафу. Играючи перебираю пальцами вешалки и останавливаюсь на бирюзовом платье, больше похожем на сарафан. Достаю, рассматриваю внимательней. То, что надо.

Когда одеваюсь, замечаю на платье фирменную бирку.

Значит, оно куплено недавно? И я просто не успела его ни разу надеть? А ещё обувь. Милые серые босоножки на тонкой подошве, приглянувшиеся мне, совсем ненашенные.

Собираю волосы у трюмо в высокий хвост, формирую простой пучок и покидаю комнату.

На первом этаже у лестницы меня встречает Нина. Странно улыбнувшись, она провожает меня в столовую, в которой уже сидит за столом Руслан. Бросив на меня мимолётный взгляд, он слегка приоткрывает рот. От удивления? Я так преобразилась? Может, мы с ним в прошлом мало общались, но видеться-то должны были часто?

Я присаживаюсь за стол рядом с братом мужа. Нина подаёт нам еду, и мы приступаем к трапезе.

- Может, вина? - предлагает Нина. Руслан вопросительно на меня смотрит, я с сомнением пожимаю плечами.

- Дانه вино, а мне коньяк, - отвечает за нас он.

Нина тут же уходит и почти сразу возвращается с двумя бутылками. Вино она наливает в высокий бокал на тонкой ножке, коньяк - в похожий, но ножка значительно короче. Когда бокалы оказываются у наших тарелок, Руслан берет свой и простым движением руки предлагает чокнуться. Я тянусь своим бокалом, раздаётся звон стекла. Руслан тут же делает большой глоток, выпив почти половину из своего бокала. Я же отпиваю совсем чуть-чуть.

Сижу, думаю. В голове с десяток вопросов. И я почему-то выбираю этот:

- У меня был компьютер?

- Ноутбук, - кивает Руслан, но как-то неуверенно. - Ты забрала его с собой. И, как я понимаю, он и все твои вещи пропали...

- Жаль, - вздыхаю я. - В комнате нет фотографий... Мы же с Ромой фотографировались вместе? На свадьбе, например...

- У вас было очень скромное торжество, - недовольно отвечает Руслан, отводя взгляд. - Вы даже мне не сказали. Расписались без гостей.

Больше мы не произносим ни слова. Атмосфера за столом немного напряжённая. Даже очень вкусная еда начинает казаться пресной...

Все меняется тогда, когда в доме появляется Антон. Он буквально приносит с собой глоток свежего воздуха, хоть и выглядит слегка удрученным.

- У Айши действительно артрит, - сообщает он, извинительно кивает и начинает читать по бумажке: - Необходима диета, щадящий режим прогулок, тепло, нестероидное противовоспалительное, глико... гликозамино... гликозаминогли... - он запинается, уставившись в бумажку.

- Гликозаминогликаны, - помогаю я ему. Антон кивает:

- Да, в общем, все необходимое я купил. При ветеринарке есть аптека.

Руслан отрывает хмурый взгляд от Антона и смотрит на меня.

Глава 10

Гла

Руслан

- Собаке нужно ставить уколы, - произносит Антон. Я пристально смотрю на Дану. Она после последней фразы Антона вдруг задумчиво озирается и произносит, даже слишком уверенно:

- Я могу ставить.

- Точно? - интересуюсь я и получаю в ответ кивок, а потом она спрашивает, обращаясь к Антону:

- Где сейчас Айша?

- В будке.

- Ей нельзя переохлаждаться, будку надо утеплить, - заявляет она. Хочу возразить - какое переохлаждение летом?

Но не решаюсь, а она словно это понимает и предлагает: - Достаточно постелить там что-то.

Зову Нину и прошу что-нибудь придумать. Она уходит, а мы стоим в ожидании. Смотрю на девушку и в очередной раз за сегодняшний вечер подмечаю, как ей идёт это платье. Его цвет оттеняет цвет кожи. Она словно светится. И глаза от цвета наряда неожиданно кажутся другими, более яркими и глубокими. Дана смотрит на меня, настороженно и изучающе. А я не могу отвести взгляда от ее глаз, таких бездонных, чистых, пронизывающих. Мне становится немного не по себе, смешанное чувство, как будто эти глаза несут опасность, но они так нужны, в них хочется смотреть, как будто ища там разгадку страшной тайны.

Нина возвращается с куском серой ткани, отдает ее Дане, и они вместе с Антоном покидают дом. А я иду в столовую за коньяком. Надо ещё выпить, расслабиться. А то рядом с этой девушкой я напряжён. Чувствую себя не в своей тарелке, даже родные стены кажутся чужими.

Вместе с бутылкой прохожу в гостиную, сажусь у камина и наливаю себе бокал. Выпиваю и думаю.

Интересно, всё-таки кем была Дана в прошлом, чем занималась? С диагнозом собаки она могла просто угадать. А могла и точно знать. Может, она правда ветеринар? А что, животное к ней прониклось, послушалось... диагноз правильный ставит, уколы колоть может, разбирается в медикаментах...

И все это вспоминается у нее само собой?

Или всё-таки эта девушка меня обманывает и помнит о себе гораздо больше, чем я думаю, а возможно, и все?

Твою ж!

Но для чего ей это?

Когда Антон с Даной появляются на пороге гостиной, я пристально смотрю на девушку. Как будто ища ответа на вопрос... Но не нахожу. Не понимаю. Тупо пялюсь в ее лицо, зачем-то смотрю на прическу, вроде бы сделанную на скорую руку, но она ей так идет. Открывает изящную шею, и уши, сережки... Надо же, я скупил практически половину ювелирного магазина, а она выбирала те, самые простые, которые мне вручили в качестве подарка. В этих гвоздиках вроде топазы, хотя я не особо разбираюсь в камнях.

- Все в порядке? - спрашиваю я. Дана кивает, прикрывает рот ладошкой, пряча за этим движением глубокий зев.

- Я устала, - говорит тихо. - Могу я пойти в свою комнату?

- Тебе незачем у меня спрашивать подобное, - заявляю я.

И говорю это почему-то с напряжением, и в голосе, и в лице. Меня раздражает, что она просит у меня разрешения?

- Спокойной ночи, - произносит Дана с улыбкой. Кивает Антону и идёт к лестнице.

Услышав, как хлопнула дверь на втором этаже, жестом подзываю к себе нового охранника новоиспечённой жены брата. Он подходит.

- Вы о чем-то разговаривали? - спрашиваю я.

- О собаке, - отвечает он.

- Больше ни о чем?

- Больше ни о чем.

С досадой машу рукой. Антон это понимает правильно и уходит.

А я бросаю взгляд на часы - время детское. Но понять усталость Даны можно, столько событий у нее за сегодня. У меня, кстати, тоже. Думаю, что тоже надо идти, можно лечь спать пораньше. Это был длинный день. Странный.

А сколько их ещё впереди?

Утром меня будит телефонный звонок. На экране высвечивается улыбающееся лицо Романа. Снимаю трубку:

- Алло.

- Привет, Рус, как дела?

Голос брата звучит бодро и весело. И, к моему удивлению, в первый раз, звоня из больницы, он начинает разговор с приветствия. А не с вопроса про свою Дану.

- Да все нормально.

- А у меня сегодня последняя беседа с психологом. После нее разрешают ехать домой, - сообщает Рома.

- Отлично, - придавая голосу радости, отвечаю я. - Ждём тебя.

Почему я сказал "ждём"? Имел в виду себя и Дану? О да, она, пожалуй, ждёт моего брата больше меня.

После этой мысли появляется сомнение - а что, если Дана все раскусит, увидев брата и поговорив с ним? Что, если он не удовлетворит всех ее желаний и ожиданий? Она предупреждена о болезни брата. И среагировала спокойно... А вот если Рома не ответит на ее вопросы о их прошлом? О ее прошлом?

- Я пришлю за тобой машину. Во сколько? - говорю я.

- Пусть приедет к трем часам, - отвечает брат, и, попрощавшись, мы кладём трубки.

Сомнение не проходит. Продолжает давить, а с ним ещё приходит чуть запоздалое чувство вины. По отношению к Данае.

Твою мать!

Получается, что я обманом, насильно женил ее на Ромке. Хотя она об этом не подозревает. Пока. Но... ведь если её не ищут - значит, она никому не нужна? А вот Ромке - да. Да и жить она будет как в шоколаде, у нее будет все самое лучшее: шмотки, рестораны, курорты. И Рома никогда ее не обидит. Уют, внимание... Этого ведь не мало? Этим ведь можно оккупить липовый брак? Или я себе это внушаю, успокаиваю себя этим?

Отгоняю эти мысли и резко встаю с кровати. Иду в ванную. Быстрый душ - и вот я уже одетый покидаю комнату.

Не успев спуститься с лестницы, слышу голоса на первом этаже в столовой. А заходя в нее, с удивлением наблюдаю такую картину: Нина и Антон сидят за столом, попивая что-

то из кружек, а Дана стоит возле плиты в белом фартуке. Обычно такой надевает Нина.

- Доброе утро! - громко здороваюсь я. Антон с Ниной тут же вскакивают с мест и одинаково растерянно смотрят на меня, как люди, застуканные на месте преступления. А Дана, оборачиваясь, отвечает:

- Доброе, - поворачивается обратно к плите и ловко переворачивает деревянной лопаткой нечто, похожее на блинчик, на сковороде. Надо же, она умеет готовить. И то, что она готовит сейчас, пахнет особенно, сладко, маняще. Хочется попробовать.

- Рома звонил, - сразу сообщаю я. - Сегодня приедет.

Дана, услышав это, вновь оборачивается и улыбается. Довольно так, торжествующе и жизнерадостно.

Да и вся она такая... А еще... домашняя, что ли. В этом фартуке, надетом поверх джинсовых шорт и белой маечки. Я подмечаю, что у нее длинные, стройные ноги, а самая задняя часть тела очаровательно выпячивается...

Какие облегающие, эти шорты!

Не смотреть! Что, я женщин с красивым задом никогда не видел?

- Завтракать будешь? - спрашивает она. Я киваю и сажусь. Нина делает вид, что ей зачем-то срочно нужно выйти, и уходит. Вслед за ней выходит и Антон. И мы с Даной остаёмся вдвоем.

Она ставит передо мной тарелку с тремя сложенным тре-

угольниками блинчиками. Рядом тут же оказываются две пилки - в одной сметана, в другой варенье. Я беру блин, макаю его в сметану и откусываю. Клянусь, ничего вкуснее я не ел. Даже у Нины блины получаются не такими.

Когда я доедаю третий блинчик, Дана выключает плиту, отправляя последний блин на внушительную стопку других, и садится рядом. Смотрит на меня. Чувствую, сейчас опять начнется. Вопросы, в ответах на которые мне придется в очередной раз юлить.

- Я тут подумала, знаешь, странно, что паспорт я оставила дома... - произносит она. И от этой фразы я немного теряюсь.

Я не подумал! Черт! А ведь и правда...

- Видимо, ты взяла с собой только загранник, - нахожу, что ответить. - Твой паспорт лежал в сейфе, а загранник мы не нашли.

Дана задумчиво смотрит на стол. А потом спрашивает:

- Во сколько Рома приедет?

- После трёх.

- А ты чем будешь заниматься?

- На работу надо съездить. К приезду Ромы вернусь.

- Ты много работаешь? - спрашивает Дана с сожалением.

Я хмурюсь.

- Приходится. После смерти отца весь семейный бизнес лег на мои плечи. Рома творческий человек, ему не до этого. Скучно, говорит.

- А что за бизнес? - вполне праздно интересуется она.

- Вот уже чуть больше века наша семья занимается ткацкой мануфактурой. Мы делаем ткани.

- Интересно.

- Ты чем хочешь заняться? - спрашиваю скорее из вежливости.

- Я хочу съездить в магазин за продуктами и приготовить обед.

С удивлением смотрю на девушку. Хотя чему удивляться! Блины удались. Думаю, и обед удастся тоже. И тут до меня кое-что запоздало доходит, я залезаю в карман, достаю портмоне и, вытащив кредитку из отделения, протягиваю ее Дане со словами:

- Кстати, вот, возьми карточку, безлимитную. Два, два, четыре шесть - пин-код. Купи себе новый телефон, ноутбук. Ну и так, на прочие расходы...

Глава 11

Гла

Проводив Руслана, я спешу в свою комнату, чтобы взять сумочку. В шкафу выбираю одну из самых маленьких, на длинном тонком ремешке, который я перекидываю через плечо. Убираю в сумку только карточку, которую вручил мне Руслан. Не знаю, правда, насколько это нормально, что брат мужа даёт мне деньги. Может, у них просто так принято, что деньгами их семейного бизнеса распоряжается более прагматичный Руслан?

Напевая себе под нос, весело спускаюсь по лестнице. Антон, которому Руслан велел меня отвезти по магазинам, уже ждёт у входной двери. Он опять в очках, но темный костюм сменил на пусть тоже темные, но более лёгкие брюки и фут-

болку.

Мы покидаем дом, идём к машине, на которой Антон вчера отвозил Айшу. Проходя мимо будки, я заглядываю к собаке. Она при виде меня начинает вилять маленьким хвостом и настойчиво просит себя погладить. Я с радостью глажу собачью морду, холку. Айша все больше ластится, даже лижет мои коленки. Благодарность, собаки очень многое чувствуют и не меньше понимают. Да и отдача от них нереальная, заряжает энергией и позитивом. Я определенно люблю собак. И эта собака меня признает.

Когда я покидаю огороженную вокруг будки территорию, Айша недовольно тявкает. Я извинительно на нее смотрю и отворачиваюсь. Спешно иду к машине.

Антон открывает мне дверь, помогает сесть. А потом обходит автомобиль и занимает место водителя.

Мы трогается, автоматические ворота открываются, выпуская нас на улицу. Едем молча, Антон вообще очень молчалив, если что-то и говорит, то конструктивно и по делу. Другой обитатель дома, Нина, наоборот, говорит много, очень много. Но это скорее просто женский трёп, не несущий зачастую никакой информации. Я ничего от нее толком и не узнала, кроме того, что Нина работает здесь уже очень давно. Про Рому и Руслана она тоже говорила, но в основном про их детство и юность. А все мои вопросы обо мне она тактично игнорировала. Или отвечала просто: не знаю.

В этом доме никто не хочет мне помочь вспомнить про-

шное. И я не понимаю, специально это или от неведения. Я была такой скрытной? Или им просто есть что скрывать от меня? Надеюсь, хотя бы Рома сможет помочь.

Когда мне надоедает смотреть в окно, я начинаю пристально наблюдать за тем, как Антон управляет автомобилем: как плавно крутит руль, смотрит в зеркала.

- А я умею водить машину? - спрашиваю я.

- Не могу знать, Дана Александровна, - мотает он головой.

- При тебе я раньше ни разу не водила?

Антон хмурится. А потом выдает:

- Я раньше вас не знал.

- Как это?

- На Руслана Алексеевича я работаю всего лишь третий день.

Меня эта информация почему-то беспокоит. Получается, Руслан нанял Антона перед моим возвращением. Именно для меня?

- Что входит в твои обязанности?

- Не могу ответить вам на этот вопрос.

- Ясно, - говорю я, хотя мне далеко не ясно.

Вскоре Антон въезжает на парковку большого торгового центра. Вывеска гласит, что здесь можно купить все. Что ж, проверим.

Первым делом я захожу в салон сотовой связи. Покупаю себе сим-карту вместе со смартфоном. Не самым дешёвым, но и не самым дорогим. Руслан сказал, что кредитка безли-

митная, но это ещё не повод покупать все самое дорогое. Мне ни к чему. Ещё я рассматриваю стенд с ноутбуками, но решаю не брать его сейчас. Потом как-нибудь, выберем вместе с Ромой.

После мы с Антоном идём в продуктовый магазин, занимающий в торговом центре половину первого этажа. Антон идёт рядом и послушно катит гремящую тележку. В магазине я беру только самое необходимое, ведь я уже знаю, что хочу приготовить. Обед из трех блюд, рецепты которых пришли мне в голову по наитию. Я уверена, что готовила подобное не раз и четко знаю последовательность приготовления.

Расплатившись на кассе, мы идём к выходу. Антон молча несёт пакеты, загружает их в багажник. Домой едем тоже молча.

По приезду я сразу приступаю к готовке. Нина пытается мне помочь, но я с улыбкой прошу позволить мне самой все сделать и отправляю ее отдыхать. Женщина удивляется, но послушно уходит.

В два часа дня я начинаю нервничать. От ожидания и понимания, что встреча с мужем наконец-то состоится. Я так этого жду. Так хочу его увидеть. И узнать о нас, о себе. Что было? Как было? И почему все так?

В полтретьего нервы шалют ещё больше, лицо горит, становится душно, я открываю окно, в надежде на уличную прохладу. Не помогает. За окном тоже жарко.

А в три часа наступает уже апогей: руки трясутся, плохо

слушаются. Я чуть не пересаливаю основное горячее блюдо, когда слышу хлопок входной двери. На трясущихся ногах выглядываю в холл и вижу Руслана. Он здоровается кивком и проходит в гостиную. Его появление не успокаивает. Девушка тоже почему-то нервничает. И это усиливает мои эмоции, заставляет нервничать ещё больше. Сердце бешено колотится в груди, а мое сознание почти готово покинуть бренное тело на несколько успокоительных минут. От нервного обморока спасает сосредоточенность на готовке.

Я заканчиваю около четырех. Выключаю плиту, снимаю фартук. Хочу присесть и перевести дух, но здесь раздаётся лай. Айша надрыгается, громко, взхлёб... но лает она радостно. В этот момент понимаю - приехал мой муж.

Закрываю тяжёлые веки и считаю про себя секунды... Не знаю зачем, но мысленный пересчет времени помогает немного расслабиться.

Слышу, как открывается входная дверь. Ведь в доме так страшно тихо... Но мне на удивление резко становится спокойно. Нервы отступили. Как будто натягивались до, а сейчас просто лопнули от напряжения.

Встаю, иду не спеша с опущенными в пол глазами. Замираю на месте, поднимаю лицо...

Первым вижу Руслана, он выходит из гостиной и останавливается в полуметре от входной двери... Возле которой стоит ещё один молодой мужчина. Мой муж.

Он... Он... такой светлый. Чистый. Сейчас слегка испуган-

ный и обескураженный. Смотрит на меня, чуть приоткрыв рот. И вдруг резко опускает веки... Один, два, три, четыре, пять... Рома широко распахивает глаза, трясет головой, а потом проводит рукой по волосам, зачесывая их назад. А я вижу его изящную руку с тонкими и длинными пальцами... На мизинце блестит кольцо. Жёлтый камень ослепляет, поймав солнечный луч из гостиной... Узнаю его, кольцо. Понимаю - видела раньше, так же, как и этот жест рукой. Есть в нем какая-то надежда. Моя надежда.

Перевожу взгляд на Руслана, несколько секунд поочередно смотрю на братьев, подмечая, что они похожи: такой же цвет волос, похожий цвет глаз, пухлые чувственные губы, форма лица. Только черты у Ромы острее. Руслан чуть статней, у него более широкие плечи, Рома по сравнению с ним худоват. Они одинакового роста, а возможно, Рома и чуть выше, но немного сутулится.

- Дана, - произносит Рома. Голос у него нежный, вкрадчивый, проникновенный. - Моя Дана, - муж улыбается. Так широко, так искренне. Переминается с ноги на ногу, никак не решаясь подойти. - Ангел мой...

У меня по телу бежит импульс и заставляет сделать шаг. Даже немного неловкий, маленький, но уверенный в том, что с этого шага начнется длинный путь. К мужу, к нашим воспоминаниям. Я хочу и готова пройти.

Рома тоже делает шаг. Один, другой... Сначала так же медленно, а потом он буквально бежит навстречу, быстро

преодолеваю одновременно небольшое, но кажущееся таким огромным расстояние между нами. Останавливается в сантиметре от меня и прижимает к себе. С желанием, но осторожно, словно я хрупкая фарфоровая кукла и он боится меня сломать.

Я втягиваю его запах, ощущаю тепло и волнение мужского тела каждой клеточкой своего. Рома немного дрожит, его беспокойные пальцы гладят мне спину. Я покрываюсь мурашками, хоть и колючими, но приятными. Ловлю взгляд Руслана и мурашки тут же становятся болезненными.

- Наконец-то ты вернулась, - шепчет мне на ухо Рома. - Я так скучал, так ждал... Но я надеялся, верил...

Муж прекращает меня обнимать, берет за руку и раскрывает ладонь. Робко целует в середину. При этом не отводя глаз. Он так на меня смотрит! С восхищением. С любовью. Я ею наполняюсь! Как молодым вином, пьянею. Но хочу ещё.

- Всё-таки какая ты у меня красивая... - говорит он, а потом нарочито возмущённо интересуется: - Почему тебя так долго не было?

Собираюсь ответить, но меня неожиданно опережает Руслан:

- С Даной случилась неприятность...

- Какая? - испуганно спрашивает Рома и оглядывает меня с головы до ног.

- Она потеряла память, - вновь отвечает Руслан.

- Потеряла память? - с удивлением смотрит на меня Рома.

- Ты... Ничего не помнишь? - качаю головой. - И меня?

- Ничего... - киваю я со вздохом. - Но я вспомню. И тебя, и Руслана, - произношу я вдруг и кошусь на брата мужа. И вот в этот момент, в эту секунду, в голове появляется настойчивая мысль: мы тесно связаны. И все вместе, втроём, и попарно: Рома и Руслан - братскими узами, я и Рома - семейными, Руслан и я... Я и Руслан?

Что-то точно есть, но что именно, пока не понимаю.

Глава 12

Гла

Руслан:

Мы садимся за стол.

Дана сама подаёт еду. Заботливо раскладывает ее по тарелкам и садится рядом с Ромой.

А я сижу напротив, смотрю на них. Смотрю и не верю своим глазам. Ожившая чужая фантазийная идиллия. Черт! А они смотрятся вместе! И как будто реально что-то испытывают друг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.